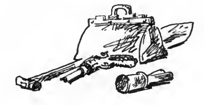

Алексей Чечулин
Самоцветы
для
Парижа

Алексей
Чечулин

Самоцветы для ПАРИЖА

Повесть

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1989

84Р7
Ч-57

Художник Н. Н. Моос
Редактор Е. В. Черняк

Ч $\frac{4803010201-062}{М158(03)-89}$ 56-89

ISBN 5—7529—0185—5

К ВОСТОКУ
ОТ УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА

Вместо пролога

От студеного Карского моря до ковыльной Магнитной горы, от диких башкирских урочищ до белокаменных стен Тобольского кремля распростерлась тягучая тишина, изредка нарушаемая тревожными паровозными гудками.

Глухая, темная ночь обложила со всех сторон древний Уральский хребет.

К востоку от горной цепи между невеликими реками Большой Створ и Малый Створ, бегущими в Сибирскую равнину, ночь сковала усталостью колонию Всемирной изумрудной компании, чья метрополия находится далеко отсюда, в Западной Европе.

Красноболотский, Троицкий, Зарефтинский, Мариинский, Сретенский, Любинский, Токовой, Воскресенский...

Рассыпаны по таежным урманам прииски.

Раз в месяц под усиленной охраной отправляется с приисков в Екатеринбург эстафета с ценным грузом — запаянными жестяными банками, доверху набитыми зеленым камнем.

Из Екатеринбурга неотшлифованные смарагды, за-

частую с прилипшей к ним уральской землей, по железной дороге следуют во Францию. Поступая в мастерские искусных столичных ювелиров, они приобретают тот волшебный блеск, что так высоко ценится на международном рынке.

Так было еще недавно. Но первая мировая война нарушила хорошо отлаженную систему, и поставки изумрудного сырья в Париж стали нерегулярными. Кружной путь по морям контролировался агрессивным германским флотом, и компания, не получая самоцветы в достаточном количестве, поубавила аппетит.

А потом... Потом в России произошла революция. Уральские недра оказались напрочь отрезанными от хозяев.

САКВОЯЖ РОТМИСТРА ВОЛОГЖАНИНА

(1) Воскресенский прииск. Май 1918 года

Слабый огонек светился в окне барского дома, который отведен управляющему Воскресенскими изумрудными копями.

Зябко Вологжанину, кутается он в шубу с бобровым воротником. Не в поздней весне дело, не сырая погода тому причиной.

Не одному Владиславу Антоновичу холодно стало. Времена пришли такие.

Случилось страшное и непонятное. В одночасье рухнула трехсотлетняя монархия, и Россия с ее дедовской стариной, вековечными устоями корчится в гигантском мятеже, то вздымаясь на дыбы, то утопая в море крови.

Мечутся по ней, замученной и страдающей, огненные

всполохи и свинцовые водовороты, порождая трепетные надежды. Вот уже поднял в поход на большевиков казачье войско атаман Дутов, вот уже спешат к Ростову немцы...

Владислав Антонович поправил фитиль керосиновой лампы.

Не спалось.

Третьи сутки поджидал управляющий гонца от Розерта, начальника охраны прииска.

Впрочем, уже бывшего начальника охраны. Да и сам Вологжанин только называется управляющим, Советы держат его потому, что пока не нашлось подходящей замены.

Розерт тайком отбыл в Екатеринбург. Там, в центре необъятного горнопромышленного края, он должен связаться с надежными людьми, знающими, как безопасно переправить драгоценные камни за границу. Не важно куда, но за границу. А вместе с камнями и его, Вологжанина.

Розерт уехал как нельзя своевременно, задержись на полдня — доставил бы огромную радость новым властям.

До сих пор не может прийти в себя Вологжанин после унизительной процедуры обыска и долгого утомительного допроса, который устроили ему ревкомовцы.

Они подозревают исчезнувшего Розерта не только в заговорщической деятельности, но и в крупном хищении изумрудов.

Первый пункт подозрения, если рассуждать здраво, в какой-то степени, наверное, был объективен.

Эрик Розерт часто ездил в Екатеринбург, возвращался возбужденным и с жаром доказывал Вологжанину необходимость немедленных действий против большевиков. Порой к нему приходили чужие, он запирался с ними в его, Вологжанина, кабинете, и тогда до слуха долетали обрывки разговора: оружие, явки, пароли...

Владислав Антонович упорио сторонился активиой борьбы с красиыми, оправдываясь раиеиием и чудовищиой усталостью, ио это ие мешало ему, оставаясь иаедине, проклинать узурпаторов и желать многая лета арестоваиному царскому семейству.

Что же касается изумрудов, то, простите...

Да, самоцветы есть, ио оии, божиим промыслом уцелевшие после многочислеииых обысков и реквизиций, ие прииадлежат ии компаиии, ии этим самозваиым властям — Советам.

Волею самой судьбы Вологжаиии и Розерт стали обладателями сокровищ, огромиых и вполне реальиых. Точиую сумму иа глазок трудио устаиовить, фаитазии хватало иа миллион — лишь бы в америкаиских долларах — самой устойчивой иа сегодия валюте.

Но и опасность потерять этот миллиои была тоже огромиой и реальиой. Сколько раз в кошмариых сиах виделась Владиславу Аитоиовичу одиа и та же сцеиа — чекисты иаходят его сокровища и, злорадно усмехаясь, заставляют его же, Вологжаииua, виосить в опись каждый камеиь. В таких случаях просыпался Вологжаиии разбитым, весь деиь чувствовал себя больиым и не успокаивался до тех пор, пока ие извлекал из укрытия заветиый саквояж, чтобы убедиться: изумруды ждут своего часа.

Скромиые служащие компании, внезапно превратившись в иабобов, тоиули в море радужных плаиов. Вариации были различными, для их воплощеиия требовалось одио — благополучио покииуть чуждые пределы Красиой республики.

О, что тогда будет!

Вот и сейчас Владислав Аитонович мечтательио улыбается. Его хмурое, постояиио озабочеиное лицо преобразилось.

Совершив благородиый раздел богатства, они пополият ряды состоятельных граждаи цивилизоваииых страи.

Розерт, естествеино, переберется в фатерланд — у иего дия не проходит без воспоминанний о милой роднне. А он, Вологжаннн, вчерашнний гвардейский ротмнстр, выбрал просвещенную Францню.

Лелея в сердце прежние, еще довоенные поездкн в Парнж, Вологжаннн чувствовал себя молодым н потому упивался грезами.

Ему мерещнлись ставшне дорогими навекн Елнсейскне поля, Опера, Монмартрский холм, увенчанный базнлнкой Сакре-Кёр. Ее купола отчетлнво внделнсь в этой медвежьей глухомаии.

Парнж!

Только здесь, в нарядном, веселом, артнстнчном городе, он был когда-то по-настоящему счастлив н влюблен.

На углу бульвара Капуцинов н площадн Опера летучнй запах духов, бензнна н жареных каштаиов. Улнчные музыканты нграют прямо на камеиной мостовой. Корзнны цветов н лукавые взгляды парнжанок...

А иад всей этой красотой необузданные н велнчественные хнмеры Нотр-Дам, прнчудливые стальные узоры башнн Эйфеля.

Скоро, совсем скоро лучший город мнра откроет ему свои объятия!

Теперь все завнснт от Розерта, от его энергнн, ловкостн.

В этом белобрысом немчике Вологжаннн увереи, как в самом себе. Именно он, Владнслав Антоиович, вызволнл юного кайзеровского лейтенанта нз плена. Эрнк Розерт вместе с соотечествеиниками гнул спину на руднnках Камнегорска, а Вологжаинну требовался человек, знающий военное дело и уважающий днсцнплину.

Розерт не бог весть какнх кровей, сын лавочника, но в таежной глубннке не до дворянских гербов, свидетельствующнх о древностн н доблестях рода. Достаточно того, что Эрнк представляет культуриую европейскую

иацию, относнтельио иачнтан н виртуозно нграет в карты. Последиее обстоятельство Владнслав Антоновнч не считает особым достоннством, но оно позволяет коротать время в ожидаиии перемен.

И еще: Розерт не утруждал себя пустымн размышлеииями о добре н зле, а нсповедовал беспрекословное повнновенне прнказу незавнснмо от его сутн, лншь бы он нсходил от непосредственного начальника.

Эрику Розерту довернлн целый взвод нсполннтельных и молчаливых иаеминков, которым ннчего не стонло пустить в ход карабнн протнв любого смертного, покуснвшегося иа самоцветы компаиии. А покуснвшнмся был каждый, кто без разрешення прнблнжался к колючей проволоке, окружавшей прннск.

...В стекло отрывисто постучалн, н бывшнй ротмистр нспуганно вздрогнул.

(2) Воскресенский прииск. Май 1918 года

Пригасив керосинку, Вологжаннн шагнул к окну, вгляделся: темный снлуэт неизвестного почтн слнвался с иепроглядной ночью.

Гоиец Розерта?

Звоико екнуло сердце, н Вологжаннн, опрокннув стул, бросנлся к дверн, иащупывая засов.

Человек был одет в брезентовый дождевнк н смазные сапогн. Высокий, под стать Вологжаннну, неулыбчнвый, он выглядел сейчас лет на трндцать, но был наверняка моложе. Чувствовалась усталость путннка, преодолевшего добрую сотню верст.

Кинув к порогу меченный сыростью плащ, он остался в черном суконном пнджаке, под которым вндиелась косоворотка. Но этот наряд мастерового не обманул Волог-

жаннна, он наметанным глазом определнл в госте человека военного.

Курьер из Екатеринбурга прнсел на стул, заботливо подставлениый управляющим, н перевел дух.

Первым делом ои попроснл чего-ннбудь съестиого, н Владислав Аитоиович торопливо иакрыл на стол, собрав все предусмотрнтельио оставлеииое с вечера.

Насытившись, ночной гость позволил себе улыбнуться уголками губ:

— Простнте, ротмистр, не представился. Поручик Голубев. К вашим услугам.

Как в былые времена, поручик слегка поклонился н одновременно прнщелкнул каблуками. Прнвычный ритуал растрогал Вологжаииа до глубины душн.

Но поручик оставался таким же холодным. Чернымн зрачками буравя хозяина роскошного кабинета, давал понять, что он расслабляться не иамереи.

Ротмнстр понял это и от лирических излияиий воздержался.

— Я к вам мнмоходом,— коротко рубил фразы курьер.— У меня еще дела в Камнегорске. Эрнк Иоганновнч проснл передать, что через два дия ои ждет вас в гостнинце «Пале-Рояль».

Голубев оглядел убранство кабннета, задержал взор на медвежьей шкуре, покрывающей половицы. Размереино и мелодично отбили полиочь стариииые часы.

— Сожалею, ротмистр, но задерживаться не могу — служба,— поручик опять скривил уголкн губ.— Да и вам пора выбираться из этого благословеииого уголка, где только гурий не хватает. Нас, офицеров, ждут велнкие дела. Про выступленне чехов слышали? Хотя откуда же? У вас телеграфа нет...— И, накидывая дождевик, поделился превосходной иовостью: — Отлнчио подготовленный мятеж! Около пятидесятн тысяч легнонеров... Мощная снла! От Пензы до Тихого океана...

— С богом, поручик!— Вологжанин горячо пожал узкую ладонь ночного гостя, и тот, как угорь, выскользнул за дверь, сразу же растворясь во мгле.

Тщательно закрывшись на все засовы, Владислав Антонович в приподнятом настроении откинулся в кресле. Его уже не знобило. Визит поручика вдохнул в него уверенность.

«Итак, что мы имеем?» — Владислав Антонович задумался.

Он подготовил два надежных тайника, где можно было без боязни спрятать драгоценности. Надо полагать, на краткое время, рассказанное поручиком обнадеживало: большевики будут сметены.

Да, скоро в театре смена декораций...

Важно продержаться до прихода братьев-славян.

Сам он затеряется в Екатеринбурге, где его ждет Розерт. Правда, встречаться с ним опасно, Розерта, понятно, ищут и там, но на этот случай есть один человечек, чистый пролетарий, которого трудно заподозрить в нелюбви к Советской власти. С Розертом все обговорено заранее, этого человека, а не его, Вологжанина, будет ждать Розерт в «Пале-Рояле».

Владислав Антонович запоздало вспомнил, что не поблагодарил Голубева, сделавшего ради него такой нелегкий крюк. Его не интересовало, что влекло поручика в Камнегорск, но он пожелал ему успехов.

Только далеко за полночь, не мучаясь больше ожиданием и сомнением, управляющий Воскресенским прииском потушил лампу.

(3) Бассейн Большого Створа. Май 1918 года

Воскресенский, некогда процветающий прииск, в последнее время переживал упадок. Не чувствуя крепкой хозяйской руки, он приходил в запустенье.

Отчаянно плодилось воровство, как ни пресекал ревком проснувшуюся в людях алчность. Рабочие разбегались по тайге, подгоняемые верой в свой фарт. Все реже и в меньшем количестве поступал из шахт изумрудный сланец.

Вологжанин взирал на беспорядки сквозь пальцы. И в этот день он больше по привычке, чем по необходимости, обошел участки. О том, что простаивали лебедки, десятники докладывали ему не впервые, но слушал он их плохо и не торопился принимать меры. А после обеда даже завалился на диван, надеясь возместить ночное бдение. Однако первное перенапряжение дало о себе знать, и он долго ворочался с бока на бок, пока не решил наведаться в Нечаевский лог.

Облюбованное ранее место для тайника он нашел бы с закрытыми глазами. Тайга здесь сгущалась, вздымаемая скальными выходами, изобиловала старыми и свежими шурфами, сырыми пещерами.

Но каково было его разочарование, когда среди бурелома приметил собранный из жердей, крытый берестой балаган. Поодаль в начатых шурфах возились незнакомые мужики.

Старателям не везло, и на чем свет стоит проклинали они заблудившееся счастье.

Разочарование Владислава Антоновича переросло в радость. Как хорошо, что не поленился заглянуть сюда сегодня! В этих мужиках он увидел перст судьбы, указавшей ему свыше на опасность.

Торжествующий Вологжанин не отказал себе в удо-

вольствии побеседовать с мужиками. Он даже угостил их дорогими папиросами и рассказал им историю открытия знаменитых изумрудных копей в Южной Америке.

Бородатые старатели ахали, откровенно завидовали смекалке неведомого им испанского кабальеро Хуана де Пенагоса, обнаружившего мелкие зеленые камешки в курином зобу.

«Ну как есть дети»,— думал Вологжанин, наблюдая за своими простодушными согражданами. Нечто вроде жалости шевельнулось в нем, но он тут же задушил это первобытное чувство.

Нашли кому завидовать! Кости этого конкистадора истлели за четыре столетия. Вологжанин внутренне усмехнулся: а вот он жив, и зеленого камня у него побольше, чем у победителя индейского племени мюзо, хотя он в жизни ни одной курицы не потрошил.

Бодрым вернулся к исходу дня Владислав Антонович на Воскресенский прииск.

Без помощи кучера запряг он в таратайку казенного жеребца, похлопал его по сильному крупу и направился в дом.

Там заперся на засов и спустился в погреб.

Не скоро появился Вологжанин на крыльце, зато в руках держал перемазанный глиной, видавший виды кожаный саквояж. Он небрежно бросил саквояж в таратайку, швырнул следом лопату. Вел себя несуетно, как обычно, когда ездил на соседние прииски или в Каменогорск за свежей корреспонденцией.

Ничто не вызывало тревогу. Бараки рабочих пустовали, конторских служащих словно корова языком слизнула.

Отряхнув руки от приставшей глины, Вологжанин взялся за вожжи. Слетело уже с языка ямщицкое: «Пошел!»— и вдруг спиной учуял чей-то взгляд. Но оборачиваться не стал.

Массивиые бревенчатые ворота никто ие охраиял. Лишь ряды колючей проволоки иапомиили о былых, нм же введеииых порядках «Аиоиимиой компаиии».

Владислав Аитонович остаиовил подводу, достал из брезеитового плаща портсигар. Не спеша, постучал муидштуком папиросы о серебряную крышку, прикурил, закрывая огонек обеими ладоиями от ветерка, и только тогда огляделся.

Никого.

Показалось, что ли?

Но страх, который ои испытал, уже не проходил. Наоборот — иарастал снежиым комом, как нн храбрился Вологжаиин, сжимая в кармаие запотевшей ладонью рубчатую рукоятку иагана. Оружие ои привез с германского фроита, держал его в укромиом местечке и только сегодия прихватил с собой — рисковаиный предстоял маршрут.

Лесная дорога шла вдоль извилнстого Большого Створа. Река спокойно несла свои иеглубокие воды в тесиине тайги.

Колеса вязли в мочажииах, спотыкались о могучие кориевища корявых сосеи, выпнравшие из распареииой после первых дождей земли бугристымн сухожнлиями.

У тридцатилетиего Вологжаниия вся жизнь была еще впереди.

И какая жизиь!

Его род славился мужским долголетием, и Вологжаиин был уверен, что пребудет на свете чуть ли не до конца двадцатого века.

Ои еще покажет этим выскочкам, устроившим ему офицерский суд честн за самовольиый расстрел солдата-большевика. А он, Вологжанин, схватнл его на месте преступления. Да, преступления! Ибо этот голубчик накануне атакн чнтал окопинкам прокламацию, призывал брататься с иемцамн.

Кровь ударила тогда Вологжанину в голову. Вся русская армия с надеждой и верой восприняла успешное наступление войск генерала Брусилова, а большевики не желают воевать, сеют смуту среди солдат.

«Что?! Ма-алчать!..»

И три выстрела в упор заткнули глотку агитатору.

Вологжанин не ждал за столь ревностное несение службы ордена, но и наказания тоже не ждал. Однако эти демократические слюнтяи...

Пришлось тогда ему покинуть гвардию и с маршевой ротой сибирских лаптежников угодить под губительный огонь немецких пулеметов в окрестностях Ревеля, но бог миловал — отделался ранением.

Чем больше распалял себя Владислав Антонович, тем явственней выплывал из небытия тот солдат.

Ротмистр поморщился от неприятных воспоминаний.

Не с той ли поры поселился в его душе затаенный беспрестанный страх? Этот страх нередко поднимал его с постели, и он, неприбранный, всклокоченный, презирая себя, сидел, дожидаясь рассвета. Страх гнездился в груди, вызывая тупую боль в сердце и где-то под левой лопаткой. Однажды ему стало невмоготу, и каменогорский доктор посоветовал ехать в Екатеринбург.

Вологжанин, занятый в ту пору отправкой добычи в Париж, так и не сумел побывать в уезде, а потом отложил поездку — боль отступила, стала забываться.

И вот опять...

Нет, он до сего дня не раскаивается в содеянном. Только так и должен был поступить офицер императорской гвардии.

Что из того, что теперь он близок с немцем? Это жизнь так повернулась. А все потому, что война проиграна благодаря таким вот либералам, какими оказались его сослуживцы...

Он, Вологжаинн, был честным вонном и бесстрашно прошел фронт, но возвращаться после ранення иа передовую счел бессмыслеиным — государь отрекся от престола, защищать стало иекого. Так ои попал иа службу в «Анонимиую компанню», пользуясь знакомством с мсье Леже, одиим нз влнятельных днректоров изумрудиой нмперии, даже в годы войны иавещавшнм свон владення через Владнвосток. И первое, что сделал новый управляющнй Воскресенским приском,— укрепнл охрану, во главе которой поставил Эрика Розерта, обязаииого ему своей свободой.

Вологжаннн вобрал голову в плечн, взглянул на дорогу.

Бежали иа взгорки рощицы молодых березок н тут же стыдливо пряталнсь за плечн сосеи-перестарок.

Опять стало холодно.

(4) Рассохи. Май 1918 года

Уже в начавшихся сумерках Вологжаиин придержал коня. Ему почудились дальние голоса. Он прислушался, затем завел подводу в сосияк и затаился.

Тайга ровио шумела, пряча в себе невиднмые напастн. Теперь, в полутьме, она мнилась Владиславу Антоновнчу чужой н враждебиой. Но он поимал, что у страха глаза велики, и заставил взять себя в руки.

Убедившнсь, что ннкто его не преследует, ротмнстр повел жеребца за уздцы.

Показались Рассохи.

Здесь, среди сосен н лнственииц, сходились в одно русло Большой Створ и Малый Створ. Мрачный, днкнй угол. Целые стада валуиов разбрелнсь по тайге — следы леднникового периода.

Редкий охотник или старатель забредал в чащобу. Неподалеку начииалось Черное болото, снискавшее недобрую славу. Попадешь туда — леший закружит да и утопит, хохоча над грешной душой.

Вологжанин бывал на Рассохах, как-то охотились здесь с Розертом по талому насту на лосей. Эти сумрачиые деревья, должно быть, еще помият выстрелы и предсмертные хрипы животиых.

Не пахло на Рассохах духом человеческим. Заброшеи с началом войны старательский поселок — скукожились там н сям дряхлеющие без хозяев избы. Оии заросли бурьяном и покосились. Гулко хлопают на ветру полуотвалнвшиеся ставни, прикрывая пустые глазницы окон.

Пошел дождь, и Вологжании накинул на голову капюшон плаща. Дорога в минуту размокла, колеса зачавкали в грязи, н жеребец, сверкая на ездока сердитым оком, словно вопрошал: не хватит ли погонять?

Владислав Аитонович бережио сиял с таратайки саквояж, но, обняв драгоцениый груз, не смог пересилить желания заглянуть в него.

«В Париж! В Париж!»— возликовало все его существо, суматошно забилось сердце, перегоняя по жилам волнение и страсть.

Вот они, зеленоватые, неотшлифованные каменья, ради которых поставлена на кон судьба.

Шершавые, теплые, самоцветы грели ладонь, и ротмистр не удержался: несколько изумрудов перекочевали в карман френча.

Бог даст, н скоро они, прошедшие через все преграды, по-царски заискрятся на лебединой шее самой прекрасной женщнны. Один нз камней он вставит в нскусную оправу, какую можно только найти в Европе, н скажет ей, как сказал Соломон своей Суламнфи: «Это кольцо со смарагдом ты носи постоянно... Он зелен, чнст, весел н ясен, как трава весенняя, н когда смотрншь на него

с утра, то весь день будет для тебя легкнм. У тебя над ночным ложем повешу смарагд, прекрасная моя: пусть он отгоняет от тебя дурные сны, утншает бненне сердца н отводнт черные мыслн...»

Размашнсто осеннв себя крестом, Вологжанин закрыл саквояж н скрылся в ночной теменн Рассох.

Когда он вернулся, дождь уснлнвался, переходя в ливень.

Но настроенне ротмнстра было прекрасным.

СЛУЧАЙ НА ПРАКТИКЕ

(1) Камнегорск. Июнь 1988 года

Из школы расходнлнсь бурно.

Сейчас, когда с летней практнкой все определилось, каждый в 7 «б» стронл планы на каникулы. Кто-то собирался поехать в деревню к бабушке, кто-то мечтал о море.

Саня Ладыгнн ннкуда не собнрался. Бабушкн в деревне у него нет. А ехать на теплые воды — это просто смешно. Конечно, Камнегорск не курорт, но водохраннлнще на Рассохннской ГРЭС чем тебе не Черное море. Вода даже теплее, она н знмой не замерзает. А разве есть где-то еще такая велнколепная тайга?

Нет, Саня ннкуда не собнрался. Вот только отбудет пару недель в теплнчном хозяйстве горно-обогатнтельного комбнната «Буревестннк» н...

Что же там дальше, он еще не прндумал, но твердо уверен, что скучать не будет. Вот н Даша тоже остается на лето в городе. У нее, правда, четкая программа. Она

не может разрешить себе праздную жизнь, поскольку поставила перед собой цель «в совершенстве овладеть французским языком».

А что? Она своего добьется. Настырная.

У Сани, к его стыду, с языками нелады, н мама постоянно пнлнт его. Она считает, что Саня после школы должен пойти по ее стопам — в меднцинскнй, а там без иностранного не обойтись.

Вот если бы его пилила Даша!

— Санька!— донесся до него заполошный голос.

Это Митрий, примечательная личность, знаменитость класса. Вообще-то он Дмитриев, но для всех Митрнй, да еще Хитрый. Почему Хитрый? Ну это так историческн сложилось. Выделили школе как-то одну-едннственную путевку в Артек — поехал Мнтрнй. Потому что отличннк, актнвист. Что правда, то правда. Он прнрожденный общественннк. Все на субботннке метламн машут, а он щелк да щелк фотоаппаратом — для стенгазеты старается.

Еще одна особенность Мнтрия — он все про всех знает, а если не знает, то делает вид отягощенного ннформацией человека, которому самому противно от обилня познаннй в своей черепушке.

Митрий неотразим. Он заговорнт любого. Его глаза горят вдохновением. Он не знает устали.

Его излюбленный прием — суворовский — натиск.

— Слышь, Санька, ты можешь помочь товарнщу...

— ...попавшему в беду?— подхватывает Саня произноснмую регулярно фразу.

— Ну да,— Мнтрий ннчуть не удивился.— Пустячок требуется...

— Смотря какой.

— Для твоей маман это даже не пустячок, а так, тьфу,— Митрий выразнтельно сплюнул, демонстрируя ннчтожность н незначнтельность собственной просьбы н

даже как бы стесняясь, что обращается к серьезным людям с такой малостью.

Тут уж трудно не догадаться.

— Справка?

— Она, родимая,— кивнул Митрий.— Путевка подвернулась... На теплоходе по Волге. Представляешь? А тут практика некстати, да еще без навара. Хотя бы чирик-другой давали...

— Какой чирик?

— Обыкновенный — двигатель прогресса. Червонец, красненькая...

— А-а,— Саня смешно.— Чирик, говоришь? Так вот, ничего из твоей болезни не выйдет, Митрий. Минздрав предупреждает: здоровье — национальное достояние.

— Ты так, да?— оскорбился Митрий.— Принципиальный очень, да? Понятно, сэр. Значит, друзей побоку, одна Дашка на уме? Тили-тили тесто...

— Дурак!— отмахнулся Саня.

— Приятно познакомиться!— не остался в долгу Митрий.— На свадьбу не забудь пригласить, женишок...

И независимо шествует дальше. У него незыблемое правило: последнее слово не должно принадлежать кому-то другому.

(2) Нечаевский лог. Июнь 1988 года

Как и следовало ожидать, Митрий на практику не явился. Но народу и без него — муравейник!

Своих семиклассников прислала еще одна школа, и бригадиры сбивались с ног, пытаясь справиться с такой оравой.

В тепличном хозяйстве работа больше для девчонок. У них это хорошо получается — возня с рассадой, полив,

прополка. Мальчишек же использовали в основном как грузчиков. Они таскали ящики со снятыми огурцами, работали на переноске речного песка.

Так бы, наверное, и пролетела практика без выдающихся событий, если бы не последний день.

В этот день Саню, словно вознаграждая за долгое терпение, послали на бортовой автомашине за землей для устройства новых теплиц. Землю брали в Нечаевском логу за отвалами, что громоздились у кирпичного завода. Эти каменные насыпи кое-где уже поросли худосочными деревьями.

Сначала ребята осторожно снимали дерн, добираясь до плодородного слоя. Зеленый ковер поддавался нелегко, казалось, земля упорно сопротивлялась. Затем дело пошло веселей. Саня и незнакомый ему темноволосый парень наполняли жирным блестящим черноземом носилки и подавали их в кузов, где землю принимали перемазанные руки сверстников.

Напарник работал молча и неутомимо. Саня едва поспевал за ним, а он слабаком себя не считал. И когда шофер, заглянув в кузов, крикнул: «Шабаш! Ждите через час!» — Саня так выдохся, что без звука свалился на траву.

Машина уехала, и они остались вдвоем.

Когда от усталости ноют мышцы, нет лучшего отдыха, чем бездумно лежать на спине и смотреть в синее небо, где армадами проплывают белые облака.

Напарник не выпустил из рук лопату, он молча, сосредоточенно продолжал резать дерн.

— Оставь, успеем еще,— сказал Саня, которому наскучило молчание.

— А я не устал,— выпрямился парень, смахивая пот со лба.— Если хочешь знать, я один вскапываю целый огород. Не веришь?

Глядя на него, не поверить было трудно, и устыдившийся Саня вскочил на ноги. В тот же миг раздался

хруст. Это черенок лопаты не выдержал нагрузки. Темноволосый хмыкнул и озадаченно покрутил обломок, не зная, что с ним делать.

Хорошо, что черенок обломился у самого основания, где крепился гвоздями, и Саня, чтобы поддержать знакомство, двинулся к отвалу, бросив на ходу:

— Подожди, я сейчас камень принесу.

Он проторил тропку сквозь молодой сосняк и оказался на обширной поляне, отделявшей его от каменной насыпи. Поляна была неровной, сплошь изрезанной оврагами и угрожающе щетинилась выступавшими из земли гранитными глыбами. Они напоминали стертые зубы огромного чудовища, которое в любой момент могло захлопиуть пасть.

Саня осмотрелся, намечая кратчайший путь. Перед ннм лежала неизвестно как попавшая сюда железобетонная плита, а за ней куча зеленой хвои. Он пробежал по плите, надеясь одним махом преодолеть препятствие, но просчитался и приземлился посередке кучи.

Впрочем, это ему показалось, что он приземлился. Едва коснувшись ногами веток, он почувствовал, что куда-то проваливается, и дико, без памяти заорал, сорвавшнсь на истошный визг.

Услышав этот крик, темноволосый, видно, опрометью бросился на помощь.

— Эй! Ты жив?— тревожно спросил он, наклоняясь над ямой.

— Не знаю...— Сане уже было стыдно, что он так завопил.

— Потерпи!— парень стал растаскивать сцепившиеся ветки. Обнажился провал правильной квадратной формы. В поперечнике он был метра полтора. Края ямы густо поросли травой и мхом, из нее тянуло сыростью н гниющим деревом.— Потерпи! Не паникуй, я что-нибудь придумаю!

Сане ничего и не оставалось, как терпеть. Ухнул он вроде удачно. Повезло, что, падая, ухватился за крепкий, упругий сук. Сук обломился, но смягчил падение. И все-таки у него, как говорится, зуб на зуб не попадал — то ли от испуга, то ли оттого, что в яме стояла вода. Она доходила до колен и была основательно холодной. Ожидая помощи, он заставил себя двигаться, чтобы не замерзнуть окончательно.

Теперь, когда в яму падал свет, Саня кое-как разглядел ее. Она напоминала большой колодец, точно так же ее стены были укреплены деревянным срубом. Бревна кое-где прогнили, покрылись белым налетом грибка. На них сохранились железные скобы, по которым можно было подняться. Сделав это открытие, Саня схватился за нижнюю и попробовал подтянуться. Это ему удалось, и он обрадовался. Преодолев около метра, обнаружил, что в спину сильно дует. «Откуда этот сквозняк?» Он вгляделся в стенки колодца.

На фоне почерневших бревен не сразу увидел Саня отверстие в противоположной стенке. В него мог спокойно пролезть взрослый человек. Саня просунул в темноту руку, и она не встретила преграды. «Подземный ход!»— мелькнула догадка, но его исследования на этом закончились. Сверху опустился гибкий березовый ствол с трепетавшей на макушке зеленой веточкой. Саня ухватился за него и в два счета вылетел на поверхность.

(3) Нечаевский лог. Июнь 1988 года

Зло и наспех Саня выжал мокрые брюки и повесил сушиться кроссовки. Солнце входило в зенит, и он вскоре отогрелся. Спаситель его деловито прикидывал

глубину колодца, ориентируясь на Санин рост и длину березки. Получалось около пяти метров.

— Добавь еще парочку,— повеселев, сказал Саня.— Я стоял на скобах.

— Ничего себе! Кто это так постарался! Медведи у нас давно не водятся.

— Медведи тут ни при чем. Да они в такую ловушку не попадутся, не мамонты, похитрей будут.

— Не мамонты, конечно, мамонты повымирали. Но ведь для какого-то зверя вырыта яма...

Саня только улыбнулся. Наверное, не окажись он в колодце, тоже так бы подумал. Но сейчас-то он знал истинное назначение замаскированной, а может, просто прикрытой кем-то ямы.

— Это старый шурф. Его, может быть, еще в прошлом веке вырыли старатели. Здесь раньше много находили золота и самоцветов. Мне папа рассказывал, что самородки попадались с кулак. А про изумруды и говорить нечего — с полено размером...

— Да ну,— усомнился напарник.

— Не веришь? Думаешь, треп? Мой папа, между прочим, горный инженер.

— Об изумрудах я слышал. Нам в школе краевед Соловьев рассказывал, как их нашли. А вот сейчас, интересно, можно откопать сокровища? Ну хотя бы малюсенький самоцветик?

Саня пожал плечами, ему эта мысль в голову не приходила. Золотые самородки, драгоценные камни... В старину встретить их под Камнегорском было легко, но в наши дни? Времена кладов миновали, остались одни воспоминания, как говорил отец, но ведь так заманчиво верить в чудо. И тут Саню словно кипятком ошпарило: что же он, дуралей, про подземный ход забыл сообщить?

— Вот здорово!— восхитился парень.— Что же ты сразу не сказал? Помнишь, как аббат Фариа прорыл

подземный ход в камеру Эдмонда Дантеса? А после этого появился благородный мститель граф Моите-Кристо н давай приводить в чувство смертельных врагов! Зиачнт, настоящий подземный ход?

— А то нет,— Саня старался говорить как можно беспечней, будто для него было привычным находить подземные ходы.— Можешь сам проверить.

— Предлагаешь добровольно покончнть с собой?

— А скобы?

Напаринк по-хозяйскн обошел колодец, опустнлся на коленн, простукал утонувшие в траве бревна. Решив, что рнск невелнк, спустился вннз. Саня на всякий случай приготовился вызволять его тем же способом, каким был извлечеи сам.

Но все обошлось, темноволосая голова вынырнула из колодца без посторонней помощи.

— Вот это да!— шумно выдохиул парень.— Вот здорово, что ты свалился сюда, честное слово! Ннчего подобного я не видел, только в кино. Знаешь, я не я буду, еслн не побываю там.

— Идет,— сказал Саня.— Но если по уму, без специальиого снаряжения сюда соваться не стоит. Мы, слава богу, не в замке Иф находимся и в двадцатом веке живем.

— Вот это правильно,— одобрил темиоволосый.—Зиачит, по рукам?— Он снова улыбиулся: —Будем знакомы. Димыч.

Саня назвался и с уважением взглянул на его руку.

— Как ты меня ловко вытащил, до снх пор не верится.

— Это что!— отозвался Днмыч.— У меия иаследствеиность такая. В нашем роду нз гвоздей кольца гнулн. Смотрн, машнна идет.

ПРИИСК
ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

(1) Камнегорск. Июнь 1988 года

В доме Ладыгнных нзредка бывал чудной гость — дед Макар Андреевнч Воронков. Летом он жнтельствовал неподалеку от Камнегорска на небольшом таежном озерце, которое так и называлось — Макарово. Там была срублена охотннчья нзбушка. Когда наступала знма, Макар Андреевнч возвращался в город.

Жил он однноко, замкнуто. В друзьях держал траизсторный прнемник н старое двуствольное ружье.

В тайге опытному человеку нет проблем с продовольствнем, а хлеб старнк печь умел. Поэтому в городе он бывал нечасто, да н то по необходнмости, из-за раднкулнта, н шел сразу к Ладыгнным.

В свнтерке грубой вязкн, в резнновых сапогах, он напомннал Сане скандннавского шкнпера, только бороды иедоставало. Но бороду Макар Андреевнч не любнл. выбрнт всегда, как на строевой смотр.

— Сил нет, матушка,— жаловался Саннной маме.— Хоть на печку полезай, разогнуться не могу.

Мама вздыхала: еще бы, старнк нз озера не выходнт.

— Одно для вас лекарство, Макар Андреевнч,— тепло. Знмой ведь, когда в городе живете, на болн не жалуетесь. Да бросьте вы это озеро, здоровье дороже.

— Как броснть!— упорствовал дед.— Без меня оно пропадет. Я его н почнщу, н воднчку свежую пущу, оно и дышнт. Как днте малое, нельзя без глазу оставнть. Да н прнвык к прнроде...

Я ведь после войны и до пенсии пыль глотал — на фабрике, где руду обогащают. Вот и надумал, когда последний расчет получил, в тайгу податься — в Рассохи. Там просторно было, прямо государство лесное, покрупнее Люксембурга. А вот вырубили тайгу под водохранилище, пришлось поближе к городу перебраться...

Получив ниже спины укол смесью из семи препаратов, Макар Андреевич отлеживался на диване под тремя одеялами. Кряхтел, вздыхал, охал...

Когда отец Сани бывал дома, Макар Андреевич любил с ним беседовать. В основном о международном положении, войне в Афганистане и американском президенте. Но вот уже год, как Ладыгин-старший помогает налаживать горнодобывающую промышленность в одной из развивающихся стран. И Макар Андреевич испытывает скуку. Очевидно, думалось ему так: женщины в политике не разбираются, а Саня еще не дорос.

Так, по крайней мере, полагал Саня, наблюдая за стариком. Сегодня ему очень хотелось, чтобы Макар Андреевич обратил на него внимание. Может, он, изучивший тайгу как свои пять пальцев, бывал в том шурфе, что прячется в Нечаевском логу. А вдруг?

Саня придвинулся к деду Макару поближе.

— Хочу спросить вас... Это правда, что у нас находили изумрудные кристаллы величиной с полено, или выдумка это?

Дед Макар ответил не сразу. Он поворочался, словно прислушался к своему состоянию.

— Да как тебе сказать... Ходила молва о таких гигантах, но чего не видел, того не видел. Мне все больше мелочь попадалась. Ну, скажем, с карандаш...

Саня весь подался вперед и почему-то перешел на шепот.

— Вы изумруды искали?

— Ты лучше спроси, кто их у нас не искал. Самое добычливое место было там, где сейчас Никитское клад-

бище. Нечаевский лог, тот весь перекопаи... Самые отважиые в Чериое болото ходили. Э, да что там!..

Дед Макар закатал левый рукав свитера. Обиажилась поджарая, еще иедряблая рука. На самой серединке между локтем и кистью белела застаревшая, едва различимая полоска.

— Видишь? Это следок изумруда. Немец-охраииик рассадил, памятку иа всю жизнь оставил. У, зверюга был! А мие тогда только десять годков мииуло...

(2) Воскресенский прииск. Май 1918 года

— Жили мы в Камиегорске,— иеспешио иачал рассказ Макар Аидреевич.— Отец и мать в забое руду добывали. Экскаваторов тогда еще ие было, все вручиую делали.

Ну вот. Империалистическая войиа разразилась, отца и убило. Голодуха, деиег иет, хлеба иет. Каютка иаша разваливается на глазах. И иадумала мамаша моя податься иа изумрудиые прииски: там иностраицы заправляли, кормежка вроде получше была.

Изумруды — камни дорогие, как алмазы, во всем мире цеиятся. Вот и повадились сюда из-за граиицы... Большими миллиоиами ворочала фраицузская «Аиоиимиая компаиия», еще какие-то хозяева были.

Да, так вот. Попали мы иа Воскресеиские копи. Прииск, зиачит. Ну чисто тюрьма! Высокий забор, колючая проволока, у ворот вооружеииые охраииики, кто ие поиравится — тут же иа мушку. Случалось, и убивали. И иичего им за это ие было, еще и иаградят хозяева.

Поставили мать мою шурфы бить. Тяжелая, иежеиская работа, да куда деиешься, ребятишки и те при деле состояли: выбирали из слаица самоцветиые камушки

Руки у каждого в холщовых варежках, крепко завязками стяиуты, это чтобы соблазиа не было изумруд припрятать. Лопаточками подбрасывают иайдеиный камеиь иа середку лотка, там специальиое отверстне, а под инм жестяика.

Попробуй-ка прозевать самоцвет — тут же получишь затрещину от фраицуза-иадсмотрщика, который иад тобой сверху снднт, как богдыхаи китайский. Его в свою очередь караулит другой надсмотрщик, а того третнй. И все между собой грызутся.

После революции уже дело-то было. Царя нет, а порядки теми же оставались. Это потом новая власть потихоиечку иачала прибнрать прииски к рукам, а сразу не получилось — приисков много, за всеми приказчиками да управляющнми не углядишь.

Помию, сижу я иад лотком, лопаточкой деревяииой орудую. Рядом такие же мальцы в слаицах копаются. Оии привычные, а я только втягиваюсь в работу. К обеду глаза прнтомились, голова кругом идет... И ие заметил, к своему иесчастью, одни махоиький камушек. Оии, парень, в первородиом виде блеск ие всегда дают, так, зелеиь н зелень. А бывает, совсем тусклые самоцветы, да еще слюдкой прихвачеииые... Тут мастерство граннльщика требуется, камеиь н заиграет, граии засветятся, ожнвет красота иевозможная.

Да, так вот... Не углядел тогда камушек, а надсмотрщнк заметнл это, коршуном со своего насеста кииулся, раскрнчался:

— Вор! Маленький вор!

Они все по-иашему наловчнлнсь, что французы, что немцы; бойко говорилн. На крнк прибежал иачальник охраиы Розерт — глаза бешеиые, рукн-грабли ходуиом ходят. Не разбираясь, схватнл тот злосчастный изумруд и выше варежки по моей руке и чиркиул словно иожом...

Миого ли мне, заморышу, иадо? Созиание потерял.

Когда очнулся, вижу: из раны кровь хлещет, больно. Заревел благим матом. Люди обступили, мать тут же, тоже ревет...

О случае этом узнали в Каменгорске. Приехал оттуда милиционер, арестовал начальника охраны. Что уж там было, не знаю, но через неделю Розерт вернулся и больше ни на кого не кидался как цепной пес, отбили охотку. Спасло его то, что был он германским подданным.

С того дня с рабочими стали лучше обращаться, а управляющий Вологжанин начал даже здороваться с нами. Испугались, видно, что прогонят их с советской службы, а к тому шло — обыск у них за обыском.

Руку мать втираниями да заговорами лечила — толку нет. Рана гноится, рука пухнет. Какие в ту пору медики, фельдшер — и тот далеко. Это я сейчас к твоей мамке бегу, а тогда...

Порой мне думалось, что умру.

Однажды Розерт с Вологжаниным принесли заморскую мазь. Розерт при этом был отца родного добрей, а Вологжанин предложил называть его по имени-отчеству — Владиславом Антоновичем.

Мазь помогла. Опухоль исчезла, но рана не заживала.

Потом Розерт неожиданно уехал с прииска, и я подумал, что больше никогда не встречусь с ним.

(3) Воскресенский прииск — Екатеринбург. Май 1918 года

Народу на прииске стало меньше, многие в старательские артели подались. Попался как-то я на глаза Вологжанину. Он мне почему-то обрадовался.

— Как поживаешь, Макарка? Покажи руку.

Ловко размотал тряпицу на моей ране, поморщился.

— Худо, Макарка, загнивает,— покачал головой Владислав Антонович.— Смотри, как бы заражения не было или гангрены,— верная смерть. Ты вот что... Завтра еду в Екатеринбург, собирайся, покажу тебя профессору.

Скажи, как хитро он ко мне подъехал. Я ведь городов никогда не видал, кроме Камнегорска, а он что за город! Опять же рука побаливает, а вдруг случится эта самая... гангрена. Ну и согласился. Вологжанин и пропитание мое на себя брал. Поеду!

К вечеру собрался в дорогу, нищему собраться — подпоясаться. Мать свою кофту старую дала, несколько бумажных керенок в потайной карман зашила. Вот и все сборы. Не терпится мне, а время как на грех на костылях ковыляет.

Болтаясь без дела, вышел на барский дом, в котором проживал Вологжанин. Смотрю — конь в упряжке стоит, удивился, куда это собрался Владислав Антонович на ночь глядя?

Жду в черемушнике, что дальше будет. Вот стукнула дверь, вышел на крыльцо Вологжанин, в руках у него какая-то сума. Без меня, что ли, уезжает в Екатеринбург? Ну и ладно, я не напрашивался.

Уехал управляющий, а мне неспокойно, обида берет: сам уговорил и не взял.

Только окарался я, никуда он не делся, утром как ни в чем не бывало заглянул в нашу землянку, веселый такой — редко это бывало. И, что меня удивило, небритый, это на него не походило, в грязных сапогах.

— Готов? Ну с богом, прощайся с мамкой.

Мать в слезы, впервые меня так далеко отправляет. А может, чуяло материнское сердце, что не следовало мне ехать. Но я ее слезам не придал значения, телок несмышленый.

Сколько мы времени добирались до Азнатской, не упомню, но долго. Сначала Камнегорск проехали с его

разрезами, потом деревин потянулнсь, одна иа другую похожие. Солиышко уже высоко стояло, когда прнбылн на железнодорожную станцию.

Азнатская — станция большая, через нее поезда в Снбирь идут. Дома каменные, паровозов много — я их впервые увндел. Мимо экспресс промчался, до чего огромен, дым до небес, нскры во все стороны, а голос — ие приведн господь!

Тебе, Александр, такие машнны вндеть ие довелось, сейчас все больше тепловозы да на электрнческой тяге. А я как иа духу скажу: перепугал меня паровик, экое страшнлнще!

Вологжанин коня у богатого мужика оставнл, старыми знакомыми оказались. У иего одежду свою смеиил на солдатскую. «Чтобы ие ограбнлн»,— пояснил, я н поверил, наслушался, что в городах жулнк иа жулнке снднт н жулнком погоняет. У кассы народов — жуть, но Вологжаннн взял ее штурмом. Кто нз крестьян с солдатом связываться станет!

Закуснлн мы нз котомки Владнслава Антоновнча хлебом да салом н ждем поезд из Снбири. Прнгромыхал такой же огромиый экспресс, и отправились мы в славный город Екатерннбург.

В поезде мне понравнлось, укачнвает. За окном вагона столбы и дома мелькают. Под стук колес н прнкорнул. И сон прнвнделся, будто бегу я по Нечаевскому логу, а за мною Вологжаннн со своей сумой гоиится н паровозным голосом трубит: «Отдавай нзумруды, маленькнй вор!» Догнал он меня, за плечо рванул...

Проснулся, сердце разрывается от страха. Вологжанин за кофту меня трясет:

— Прнехалн, Макарка, Екатерннбург.

Гляжу из окошка: людей толпы, все с узламн, котомкамн, торопятся как на пожар. А паровозы так н сиуют, чуть людей ие давят.

Владислав Аитоиович обрядился в потрепаниую шинель.

— Теперь будь иастороже,— сказал он.— От меия ие отставай, глаза по сторонам ие пяль. Будет кто миой иитересоваться, отвечай, мол, дядя Силаитий. Силантий Воронков.

Зачем это ему поиадобилось, не знаю, а спрашивать не решился. Силаитий так Силантий, от меия ие убудет. Больше думаю о том, как бы не отбиться от Вологжанина. Екатеринбург ие Воскресенский, не Камнегорск, тут заблудишься — пропадешь.

Так и попал я впервые в большой город.

Макар Аидреевич то ли от лекарства, то ли от воспомииаиий порозовел, помолодел, глаза его заблестели.

— Ну, Александр, спасибо, не дал скучать. Знаешь что... Если я тебе не очень надоел болтовней, приходи ко мне на озеро. Придешь? Там и расскажу про городские свои приключения. А сейчас — пора мне.

В ПОДЗЕМНОМ ЛАБИРИНТЕ

(1) **Нечаевский лог. Июнь 1988 года**

Оии явились к шурфу с рюкзаками, где лежали резииовые сапоги, свитера, связки веревок, топор, саперияая лопатка, электрические фонарики. Чем не спелеологи?

Действовали осмотрительно, закрывая за собой спуск в колодец разлапистым сосияком. И когда иеба ие стало видио, сгустилась темнота, они включили электрические фонарики, пучки яркого света прибавили смелости.

3 Зак. 126

Подземный ход оказался наклонным н резко уходил в сторону — луч споткнулся о серую гранитную стену н заплясал на месте.

— Ну?— испытующе взглянул Саня на спутннка.— Рнскнем?

Днмыч сверкнул белой полоской зубов:

— Чур, я первый...

Он перехватил рюкзак левой рукой и, выставив вперед фонарнк, ввннтился в отверстне. Саня последовал за ним.

После поворота лаз постепенно расширялся. Они передвнгались уже в полный рост. Над головами нависали тяжелые глыбы, с ннх капала вода. Храбрецы ежилнсь, когда холодные горошины попадали за ворот, но продолжали путь.

Сталн попадаться беспорядочно валявшиеся обломки дерева. Наткнувшись на гнилое бревно, Саня предупреднл товарнща:

— Гляди в оба, может быть обвал.

Димыч поводнл фонариком н ахнул:

— Смотрн-ка!

В дрожащем кругу света Саня увидел то, что так поразило Днмыча. Свежие стойки, поблескивая незастывшей смолой, упирались в своды. Такая же крепь шла н дальше.

Это значнло, что здесь совсем недавно кто-то побывал. Хорошо это нлн плохо?

— Вот так дела!— вырвалось у Сани.— Не перевелнсь еще искатели приключеннй!

— А ты говорншь...— Днмыч не закончнл фразу. Перед глазами Сани мелькнулн только его сапогн, и Днмыч с шумом исчез.

— Ты куда?— растерянно спроснл Саня, ознраясь по сторонам, точно онн гулялн в городском саду и Днмыч вдруг завернул не в ту аллею.

— Осторожней, Сань!— раздался снизу голос Димыча.— Здесь нет ступенек.

Подземный ход оборвался, и Саня высветил вихрастую голову Димыча. Тот протянул руку, и оба оказались в просторной пещере. Самой настоящей пещере, где мог бы уместиться не один деревенский дом.

— Шикарный грот!— цокал языком Димыч, обводя фонариком подземное убежище.

— Постаралась природа,— согласился Саня.

Природа постаралась на славу, создавая это каменное чудо. Стрельчатые своды, замысловатые арки, массивные колонны были словно вырублены рукой человека.

По мощным стенам, как в рыцарских замках, разбросаны террасы, ощетинившиеся каменными копьями, как будто там караулили покой феодалов бессонные стражники.

А дышать здесь было лучше, чем в колодце, воздух был свеж и чист. Совсем не чувствовалось, что над головами нависла многотонная толща породы.

Негромко названивал ручей, уходящий под антрацитово блестящие глыбы.

Димыч метр за метром высвечивал стены пещеры. Казалось, монолит не имел даже легкой трещины. И никаких самоцветов и золотоносных жил, даже слюдяного сияния непримстно.

Но что же тогда привлекает сюда людей? Простое любопытство? Архитектура природы?

Они обогнули пещеру по периметру и оказались перед расселиной, спрятавшейся за острой скалой. На них дохнуло холодом, и Саня, очутившись впереди, от неожиданности качнулся в сторону и толкнул товарища. Димыч в свою очередь зацепился ногой за булыжник и рухнул как подкошенный. Его фонарик погас.

И тут Саня с ужасом увидел, как на лежащего Димыча валилось что-то большое и белое...

(2) Нечаевский лог. Июнь 1988 года

Приснись такое жуткое зрелище — сердце откажет, а тут наяву.

Саня обмер, решительно не зная, что делать.

— Посвети-ка сюда! Дай разглядеть, чем это меня оглоушило...

Фонарик ходуном ходил в Саниной руке, он пытался отделаться от противной дрожи, но не тут-то было. Хорошо, что Димыч не видит его лица.

— Ого,— продолжал Димыч.— Теперь вместо скелетов вход в подземное царство охраняют мешки.

Саня подавился нервным смехом, ему стало невмоготу в этом сразу утратившем очарование волшебном мире.

— Пойдем назад,— неуверенно предложил он,— ну их к черту, эти изумруды!

— Без паники, Сань, я еще не огляделся...

Но оглядываться не пришлось. Димыч без перехода приказал:

— Гаси свет!

Саня услышал какой-то шорох. В глубине расселины вспыхнуло оранжевое пятно, за ним еще одно, послышались слабые, отдаленные голоса и шаги.

Димыч крепко ухватил товарища за рукав и потянул в нишу, притаившуюся за соседним выступом. Они старались не дышать, не без основания полагая, что внезапная встреча не предвещала ничего хорошего.

Пещера чуть озарилась. В этом зыбком освещении были видны три темных фигуры, отбрасывающие гигантские тени. Основной свет давала керосиновая лампа, которую нес один из пришельцев. Другой был с фонариком, лопатой и киркой, а третий горбился под тяжестью мешка.

— Хорош!— сказал тот, что с лампой.— Перекурим, а потом переберем сланец.

Оии молча покурнли н сноровисто прнняли́сь за работу, которая при таком гибельиом свете обнаруживала их совииое зреиие. Копошилнсь над мешком долго и нудио. Саня и Димыч без движеиия продрогли, но открывать себя незиакомцам им было страшновато. Кто зиает, что за люди...

— Н-да...— заговорил, вставая с коленей, обладатель командирского голоса.— Не густо. Товар неплохой, ио мало. Пора переходить в Сухую балку, там сланец побогаче...

— Это как сказать,— воспротивился человек в капюшоне, как бы продолжая старый спор.— Здесь мы каждую лазейку знаем, а там никто ие бывал. Пока развериешься — лето пролетит.

— Вот уж тебя ие спросили,— поставил точку комаидир.— Тащи-ка лучше вчерашний мешок, а то опять ничего ие успеем.

Ворчун иеохотио встал н направился к скале. Ои так близко прошел мимо спрятавшихся мальчишек, что оии услышали его дыхаиие и при желаиии могли коснуться его рукой.

«Сейчас что-то случится»,— сглотиул слюну Саия и еще тесией прижался к Димычу.

Доставив мешок, ворчун в капюшоне сердито сказал до сих пор молчавшему здоровяку:

— Сачкуешь, курва, а тут надрывайся...

Тот вскииулся как на пружииах.

— Чья бы корова мычала!.. Ты где это ополовиинил? Нет, смотри, что делается!? Из дальнего забоя иа себе тащил и ие просыпал, а этот шиурок... Ничего нельзя поручить. У, змей!

— Да ие трогал я его!— огрызиулся капюшои.— Сколько было, столько и приеес. Разуй глаза, утюг!

— Тихо!— прикрикнул старший. Ои поднял лампу, расширяя круг света.— Неужели накрыли? Все, братва,

надо рвать когтн! Хватайте инструмент, мешки не забудьте...

Здоровяк заброснл мешок со сланцем на плечо, но старший расшипелся:

— Чнрнкнулся?! Породу в ручей!

И сам прннялся сгребать лопатой отработанный сланец в воду.

Через мннуту все трое скрылись во тьме подземного лаза, ведущего на поверхность.

ГОСТИНИЦА «АМЕРИКАНСКИЕ НОМЕРА»

(1) Екатеринбург. Май 1918 года

На станцин Екатерннбург-2 Вологжанин, не торгуясь, нанял нзвозчика, который лихо доставил нх в центр города.

Смешавшнсь с толпой, онн направнлись от плотины вннз по Главному проспекту.

В драной солдатской шинели и выцветшей смятой фуражке, небрнтый, Вологжанин ничем не напомннал бывшего офнцера. Котомка на спине делала его нnже ростом. Разве что гвардейская осанка могла послужить поводом заподозрнть в нем совсем не того окопннка, за которого он себя выдавал.

Это едва заметное несоответствие не броснлось в глаза дежурнвшему у гостнницы «Пале-Рояль» Андрею Лобачеву. Молодой, но уже тертый мастеровой с завода Ятеса, он всего несколько недель работал в ЧК и не прнобрел еще той зоркостн глаза, которая отлнчает людей из этой организации.

Правда, на днях оперативная группа, в которую вхо-

днл Лобачев, провела незаметно для посторонннх арест на станцнн невзрачно одетого пассажнра. Он оказался капнтаном Степановым, посланным нз Снмбирска одннм нз вождей белого двнжения полковннком Каппелем для связн с белочехамн. Капнтан Степанов вез также ннструкцнн для заговорщнков.

Лобачева больше прнвлек мальчншка, показался нспуганным, затравленным.

На перекрестке рослый солдат остановнлся н стал что-то выговарнвать своему маленькому спутнику. Тот послушно кнвал головой, но на солдата не глядел. Что-то, Лобачев еще и сам не мог конкретно сказать что, насторажнвало в жнвопнсной парочке.

— Вашн документы, граждане?

Вологжанин съежился, стараясь стать меньше.

— Чего?— переспроснл он, будто не расслышав.

— Документы, говорю...

— А... Нету документов. Какие документы. Племяша вот прнвез доктору показать. Ишь, руку рассадил — гноится, как бы не отрезалн.

Управляющий поднял вверх Макаркнну руку, показалась рана, она выглядела страшновато. Лобачев прнметнл, что дядя цветет от точного попадання, ведь рана пронзвела должное впечатленне.

«Ага,— решнл чекнст про себя.— Сейчас я заглочу жнвца».

— А ты что скажешь, паренек?

Макарка нспуганно взмахнул ресницамн.

— Болит, дяденька, болнт, спасу нет... А он пообещал... к доктору... Тот, говорнт, мнгом вылечит.

Лобачев выделнл для себя это краткое, отчужденное «он» н тоже шнроко, открыто улыбнулся солдату, дескать, нзвнннте, служба, ничего не поделаешь.

— Верю, граждане, верю... А вот то, что без документа, обидно, прндется задержаться.

Улыбался, а в это время соображал, где этот чертов дядя в солдатской шинельке оружие держит.

— Слышь-ко, земляк, не дело это. Спешим, как бы к доктору не опоздать...

— Порядок такой,— простодушничал «земляк».— Солдат, должен понимать. Вот представлю вас по начальству, оно и решит. Да не пугайтесь, вас тут много таких, на каждого конвоиров не напастись.

Последняя фраза убедила Вологжанина в том, что напал на ревнителя служебного долга. Эх, будь у него сейчас завалящая бумажонка на имя Силантия Воронкова, сунул бы ее под нос мужлану и поплевывал в потолок. Но нет ее, бумажонки. Лишь бы Макарка не подвел!

Они дошли до гостиницы «Американские номера», и только здесь понял Вологжанин, какому богу молится простоватый молодой человек, в котором он обманулся,— в гостинице располагалась Уральская ЧК.

(2) Екатеринбург. Май 1918 года

Камера находилась в подвальном помещении, в ней уже было порядочно задержанных. Макарка в первый раз видел так близко жуликов и бандитов.

Вон тот громила, что держится особняком, наверняка страшный убивец!

Бедный Макарка, откуда ему было знать, что преступников он квалифицирует совсем как небезызвестный итальянец Чезаре Ломброзо — по внешним признакам.

То-то бы он поразился, узнав, что громила на самом деле обыкновенный банковский чиновник, имевший глупость принять участие в саботаже постановлений советской власти, а белокурый красавец с ангельским взором

и есть знаменитый своими преступлениями Васька-мокрушник, уголовник, исполнитель приговоров, которые выносила красным террористическая офицерская группа.

Очнувшись в тюрьме, Макарка, и без того убитый, совершенно сник. А вдруг отсюда никогда не выпустят?

Вологжанин шептал в ухо:

— Как условились, Макарка, как условились, по-честному. Дядя Силантий, и все, стой на своем. Выпустят и тебя, и меня, непременно выпустят, и тотчас к доктору. А сейчас вот что...

Он вложил в Макаркину ладонь клочок бумаги.

— Выпустят раньше — передашь Розерту. Найдешь его в гостинице «Пале-Рояль», это там, где нас взяли, скажи, пусть ждет меня. Да не любопытствуй, все равно ничего не поймешь.

И совсем тихо, еле слышно:

— Это очень важно, не трусь... Он тебе кучу денег отвалит, корову мамка купит. Но если... Ты меня знаешь!

Макарка пустил слезу.

Вологжанина вызвали на допрос первым. За ним пришел пожилой усатый рабочий в кожаном картузе.

— Кто Воронков Силантий? Выходи!

Взгляд у него был усталый и участливый. И Вологжанин, отметив это как доброе предзнаменование, пошел на выход. Но прежде он сбросил с себя шинель, заботливо укрыл ею Макарку.

— Племяш,— пояснил часовому.— Совсем захолодал пацан.

На мгновение Вологжанин опнулся и дал добродушный совет мальчику, подмигнув ему при этом покрасневшим глазом:

— Макарка, ты тут без меня рукой-то побережней, побережней, неровен час, растревожишь рану.

Понял Макарка, что хотел сказать ротмистр: много не болтай. И горько сглотнул набежавшую слюну.

(3) Екатериибург. Май 1918 года

То и дело хлопала обшитая листовым железом дверь камеры. Кого-то вталкивали, кого-то уводили.

Камера угрюмо молчала.

Ротмистр ие возвращался. Зато пришел часовой н забрал его шннель.

Макарка изрядио продрог: май ие нз теплых, а вокруг камеиь. Пытаясь согреться, мальчнк засунул руки под кофтеику н иаткиулся на кармашек, куда спрятал запнску Вологжанниа.

Грамотей из Макаркн инкакой, две зимы ходнл в школу еще в Камнегорске, но слова иаучнлся складывать. Бумажка была серой, оберточной, из иее чуть ли ие торчали мелкие щепки.

Развернул ее иегнущимися пальцами — ничего понять ие может. Начало разобрал: «Г-иу Розерту. Второй варнаит...», дальше, как ни снлнлся, ие одолел. Сообразил после, что не по-иашему писано.

Сунул мальчик запнску в кармашек и задумался. Неладио у иего получается, ох иеладио.

Прошло еще иемало времеин, и он решил, что про него забыли, ио тут громыхиула тяжелая дверь и просуиулась голова такого же молодого чекиста, что задержал их на шумиой городской улице.

— Воронков! Вызывают!

Сперва шли длннным корндором, потом поднялись по холодиой лесеике иа второй этаж, а там комиата иа комиате. У одиой остаиовились.

Парень постучал, затем переступил порог.

— Николай Иванович, заводить?

— Давай, товарищ, заводи, а то дядя заждался,— отозвался иасмешливый голос.

В комнате было просторио. За столом седой средних

лет военный в гнмнастерке, перепоясанной ремнямн крест-накрест. Чуть поодаль усатый часовой, а перед ннм высился на стуле Вологжанин. Его тяжелый взгляд остаиовился на Макарке.

Следователь оторвался от бумаг.

— Ступай, товарищ, мы тут самн разберемся.

Голос у Николая Ивановнча надтресиутый, похоже, что ои простыл илн миого курнт. Но перед инм ин папирос, ии пепельинцы, а вот Вологжаиин пускает дымиые кольца, любуясь ими, как произведеииями искусства.

— Ты саднсь, Макар, садись.

Мальчик оглядел комиату; свободный стул находился возле Вологжанниа, ио следователь остаиовил легким взмахом руки.

— К иему ие надо, твой дядя сегодня ие в настроеиии. Устраивайся на днваие.

Притулившись на краешке большого мягкого диваиа, Макарка уставился иа следователя.

— Так ты, Макар, получается, потомствеииый дворяиии?

В голосе следователя слышиа иасмешка, и мальчнк почувствовал ее всей кожей. Ои невольно хнхнкиул, как бы оглядел себя со стороны.

— Граждаиин следователь, бросьте валять дурака!— ие сдержался ротмистр.— Я вам уже все рассказал о себе. Не впутывайте мальчишку в эту нсторию, прошу вас... Нынче не в моде бывшие офнцеры, вот н иазвался чужой фамилией. Разве это преступлеиие.

Николай Иванович внимательно выслушал тираду разгиеваниого Вологжаиииа и, не возразнв ему, сказал Макару:

— Что ж ты, дружок, а еще трудящийся человек! У нас, рабочих, должно быть классовое созианне. Он, Вологжаини, по-твоему, очень добрый и хорошнй, раз ты его в дядья записал?

— К доктору, говорнт...— уныло пробормотал Макарка.

— К доктору? А не он лн тебе руку изувечнл? Молчншь?

Следователь поднялся, вышел нз-за стола. Ростом и фнгурой он, пожалуй, не уступал Вологжанину, а в костн был покрепче. Часовой встрепеиулся, перехватнл винтовку и придвинулся к арестованиому, опасаясь, как бы тот чего не выкинул.

— Вас, гражданнн Вологжаннн, обвнняют не в том, что былн офицером. Многие офицеры русской армнн преданно служат рабоче-крестьянской власти, и мы благодарны им, сам Ленин высоко ценнт военных специалистов. Есть в ваш адрес обвинение серьезней. Вот оно,— следователь раскрыл ладонь, н на красное сукно стола посыпалнсь яркне самоцветы.— Откуда это у вас?

ЦЕНА ДВОРЯНСКОГО СЛОВА

(1) Екатеринбург. Май 1918 года

Необработанные нзумруды таких цветов Макарке не встречалнсь, он с детскнм любопытством, закуснв от волнеиия губу, взнрал на камни.

Ротмнстр же побледнел. Он до сей страшной мнноты еще надеялся, что пронесет, что чекнсты не тронут его обшарпанную шинелишку.

Ои сделал попытку встать, что-лнбо предпрнннять, но рука часового тяжелым грузом прнжала к стулу.

Нколай Ивановнч повторнл:

— Я спрашиваю, откуда это у вас, Вологжанин?

Не отвечает Вологжаиии, беззвучно шевелятся тонкне губы, обложениые снневатой щетниой.

— Думалн, не иайдем? Напрасно. Нашли, Вологжанин, нашли, ие могли ие иайтн. Зиаете, кто вы после этого? Вы не просто обманщик, но и самый заурядиый вор, запустнвший руку в казиу республики!

Ротмистр иепритворио возмутился:

— Вы не смеете! Слышите? Я дворяннн!

— Виошу поправку. Вор благородного происхождеиия.

Вологжаиии перешел в наступлеиие:

— Знаю я ваши штучкн, подсунулн, а теперь «с поличиым», да?

— Полио, господии ротмистр, вздор городить. Можио подумать, что это я управлял Воскресеиским изумрудиым принском.

Подавлен Владислав Аитонович, подавлен, смотрит иевидящим взглядом, как загианиый облавой волк.

Схватнвшись за сердце, терзается ротмистр Вологжаиии, клеймя мииутиую слабость, когда иа Рассохах не сумел подавить желаиие заглянуть в саквояж.

Теперь все его мысли о записке, передаииой Макарке. Этой улики будет достаточио, чтобы обвиннть его в контрреволюцнн. Розерта этн суровые «товарищи» знают, а тот связаи с поручиком Голубевым... О Голубеве ротмистра уже расспрашивали.

Желвакн заходили на небритых щеках Владислава Аитоиовича. Обиаружеииая записка — это все, это крах, это коиец жнзнн, которая еще совсем иедавно миилась ему беспредельной.

Вологжаиин молнл бога, чтобы Макарка не проговорнлся.

А Макарка словно начнсто забыл, где находнтся, любуясь на самоцветы. Ои н на свое имя отклнкнулся ие сразу.

— Гражданин Макар Вороников, вы подтверждаете, что этот человек — бывший управляющий Воскресенским изумрудным прииском «Анонимной компании» Владислав Антонович Вологжанин?— перешел следователь на официальный тон.

Мальчик искоса взглянул на ротмистра. Тот взирал на него не мигая, как заклинатель змей.

— Подтверждаю, дяденька.

— Писать умеешь? Подпиши...

Макарка неуклюже вывел свою фамилию под протоколом допроса.

Следователь попросил прислать к нему Лобачева. Молодой чекист не замедлил явиться.

— У меня к тебе личная просьба, Андрей,— обратился к нему следователь.— Ты, помнится, мать отправил в деревню и живешь один. Пригласи в свои хоромы товарища Воронникова, пусть переночует, а утром покажи доктору. И об отправке его домой позаботься.

— Есть, Николай Иванович,— Лобачев был весьма доволен таким оборотом и взял Макарку за плечо:— Пойдем, товарищ Вороников. Гостем будешь.

(2) Екатеринбург. Май 1918 года

В отсутствие Макарки ротмистр держался увереннеей. Макарка не выдал, ЧК не съест. Арестованный начал наглеть.

— Продолжим, Николай Иванович? Простите фамильярность, беру пример с ваших орлов. Разве это по-воински: «Есть, Николай Иванович...» Смешно, вы же диктатура пролетариата.

Вологжанин глубоко затянулся и опять выпустил серию изящных колечек дыма, догоняющих одно другое.

Полюбовавшись ими, заметил:

— А вы больше интеллигентный человек, нежели рабочий от станка. Это приятно. Я к тому, что глупому Макарке не пришили измены революционному долгу.

— Ну что вы, Владислав Антонович,— принял игру следователь.— Как можно! Ваши коллеги и без того на всю Россию колоколят о зверствах большевиков, которые не жалеют ни стариков, ни младенцев. Не так ли?

— Сдаюсь,— поднял руки Вологжанин.— Ваша правда, потому хочу покаяться. Пишите: я бывший управляющий... ну и так далее... В целях личного обогащения утаил...

— Не спешите, я записываю... Это, полагаю, только начало нашего разговора?

— Начало?— опешил ротмистр.

— А как же! Вы куда, собственно, собрались Владислав Антонович? Не в Париж ли? В таком разе с вашим мизером,— следователь кивнул на стол,— там долго не продержитесь. А потому логичен вопрос: где остальные изумруды?

— Помилуйте, о чем речь? Вся прошлогодняя добыча увезена владельцами. Нынче же на прииске настоящий бордель, никто не желает трудиться...

— А эти камушки?

— Мелочишка. Уж и не помню, когда к рукам прилипло, не смог себе отказать. Я бы на вашем месте задал другой вопрос. Например, почему я только сейчас дал деру? Интересует? Так вот, про бордель я уже говорил — это меня не устраивает. Я выжидал, думал, ненадолго вас хватит, и все вернется на круги своя. Ошибался. Вы надолго, и меня это напугало...

— Браво, ротмистр! Весьма разумные выводы.

— Тесно мне с вами на одной земле, вот и бегу, закрыв глаза. В Париж ли, в Константинополь или еще куда...

— Но при чем здесь русские изумруды? Если родная земля ие мила — бегите, планета велика. А ценности верните... тому же Макарке. Глупый он, говорнте? Нет, он еще не раскрылся, но уже имеет больше прав на эти камушки. Итак, вернемся к нзумрудам.

— Опять сказка про белого бычка! Дались вам эти нзумруды.

— Вы же военный человек, ротмистр. А между нами, вы правы, кипит граждаиская войиа, построеиная на вековой ненависти. Но ненависть ие исключает чести. Ну понимаю, черт попутал, соблазннлись, так ведь есть возможность сиять грех с души...

— Ну поп из вас никакой, хотя вы и упорный товарищ. То иавязываете в сообщиики какого-то Голубева, то требуете миллнон...

— Мы ие в дворяиском собраиии, гражданнн Вологжаиин. Да и словом своим вы не дорожите. Разве час назад от этой «мелочишки» не отказывалнсь?

Вологжанин молчал.

— Ну ладио, оставим эту тему. Значит, вам иечего сказать и о Розерте? Странио это. Розерт, мы знаем, погрел руки иа нзумрудах, и это не последннй его грех. Так кто кого оделнл камушкамн — вы его или он вас? Или из одной мошны брали?

Зазвонил телефои. Николай Иванович снял трубку, послушал.

— Хорошо, товарнщ Юровский, сейчас буду у вас.

Он дал отбой и махнул часовому. Вологжаннн поднялся, ощущая лопатками холод штыка, у порога обернулся.

— Господин следователь Ннколай Иванович, как новые законы квалифнцнруют мой случай?

— У нас еще будет время об этом потолковать.

Чекнст уроннл руки иа стол, покрутил-повертел одни из камушков. Велеречив гвардейский ротмнстр, но тем-

нит, ох темнит! За кордон уходят иначе, не с пятком изумрудов. Потянуть ниточку — клубок распутается. Но где эта ниточка?

Шла первая летняя ночь, но мечтать о сне не приходилось.

(3) Екатеринбург. Июнь 1918 года

Юровский, один из руководителей Уральской Чрезвычайной комиссии, пригласил следователя по очень срочному делу.

— Ну и гусь этот Вологжанин,— Юровский протянул Николаю Ивановичу свернутый вдвое лист бумаги.— Полюбуйтесь!

Следователь скользнул по первым строчкам и удивился:

— Это частное письмо?

— Не совсем... Да вы читайте, читайте.

Наконец Николай Иванович наткнулся на подчеркнутое карандашом и прочел вслух: «Вполне подходит для нашей операции и ротмистр Владислав Антонович Вологжанин. В бытность свою в гвардии собственноручно расстрелял большевика-агитатора, чего ему не простили аристократические чистоплюи. Я мог бы поручиться за этого надежного офицера...»

— Офицеры офицера судили? — недоумевал следователь.

— Да, в гвардии сохранялось благородство русской армии, офицерская честь превыше всего. А ротмистр убил человека без суда и следствия, как последнюю собаку. Мы должны еще выяснить имя этого рядового партии.

Юровский задумался, провел ладонью по черной бородке.

— Откуда письмо, Яков Мнхайловнч?

— Перехвачен курьер с секретнымн ннструкцнямн нз Симбирска, от Каппеля. Кое-кого, благодаря этому письму полковника, удалось обезвреднть. Вологжаннна взяли на заметку, но не знали, где он пребывает.

— Я как чувствовал, что тут не только нзумрудами пахнет! Не за что схватнться было, но теперь я прижму его фактом. Можно, допрошу Вологжаннна сню мннуту?

— Надо, Нnколай Иванович, надо. Время дорого, а его мало. Чехн с белыми блнзко.

(4) Екатернибург. Июнь 1918 года

Дежурный совсем недавно — еще чай не успел выпить — водворнл Вологжаннна под замок, но прнказу не удивился. И не такое бывало в этом доме.

Загремелн ключи, н в корндоре появнлся Вологжанин Он был обескуражен повторным, почти без передышки вызовом на допрос. Понял, пронзошло что-то непредвиденное. И вряд лн прнятное для него.

Следователь ждал его стоя. Он был сух н корректен

— Гражданин Вологжаннн, сожалею, что вынужден прервать ваш сон, но дело не терпит отлагательства..

Мрачной тенью качнулся ротмнстр.

Резко заныло сердце. Проснулся тот давний страх перед большевиками, который он старательно загонял внутрь, топнл в прнзрачной надежде на счастлнвый нсход Когда следователь попроснл вспомннть подробности фронтового убнйства, у Вологжаннна не хватило выдержки Он заскрипел зубамн, н страх, танмый эти годы, выплеснулся наружу. С ротмистром случнлся нервный прнпадок. Он не отрнцал ничего. Только об изумрудах молчал...

«Господи!— бессвязно взывал Вологжанин.— Если ты есть, сделай так, чтобы Макарка пропал вместе с запиской! Чтобы он сдох! Утонул!.. Господи!»

Бог молчал.

Только желтое расплывчатое пятно лампочки вздрагивало и пригасало.

Утром Вологжанин не поднялся.

Спешно вызванный медик засвидетельствовал смерть, как результат затяжного сердечного приступа.

ИЗ ОДНОЙ ВОЙНЫ — В ДРУГУЮ

(1) Макарово озеро. Июнь 1988 года

Природа над Большим Створом первозданная, дикая. Сосна с черемухой переплелась, рябина с березой. Папоротники в рост человека. Ручьи, неизвестно где берущие начало и неизвестно куда исчезающие, бегут себе, названивая под шелест изумрудной травы, пахнущей ягодой земляной. Один узенький, как змейка, торопливый, разговорчивый. Другой — вброд надо переходить — степенный, раздумчивый, словно отдыхает после быстрого бега, выравнивает дыхание, вырвавшись из подземных хранилищ.

Одни ручьи впадают в большие и малые реки, другие через сотню шагов, обессиленные, иссякают; прячутся в почву или сохнут, не одолев пространства, оробев перед валежником, и остаются от них серые бочажины, хлюпающие болотца, в которых даже лягушки не отваживаются жить — настолько они мелки.

Высмотрел такой ручей дед Макар Воронков; понравилось, что бежал он возле глубокого котлована. Возможно, раньше тут были старательские закопушки или шахты «Анонимной компании». Перегородил ручей плотиной и заставил течь в ямищу. Так и образовалось Макарово озерцо — чистое, холодное, голубое с зеленью от затонувших в нем отражений деревьев.

Дорога кружила, то прячась в таежине, то стремительно выскакивая на березовые вырубки. Вдруг она, сделав петлю, вынырнула под линией электропередачи. И Саня услышал ровное гудение, будто река впереди. Но это шумела ЛЭП, перекачивая мощь турбин в нефтяные и газовые края.

Солнце стояло точно над озером. Надсадно звенели комары, им не мешал и дым костра, яростно пожирающего сухой лапник.

Макар Андреевич ловко чистил рыбу перочинником, бросая серебристые внутренности в разошедшийся не на шутку огонь.

(2) Екатеринбург. Июнь 1918 года

В своих хоромах — приземистом домишке на два оконца — Андрей Лобачев накормил Макарку картошкой, угостил молоком из погреба. Сытная по голодным временам еда и усталость валили с ног, и Андрей едва успел рассказать о себе. Отец погиб зимой на дутовском фронте, сам он будет служить в ЧК, пока не победит мировая революция. А когда она победит, будет веселая житуха у таких, как Макарка и он; Вологжанин и подобные ему вымрут, потому что люди придут в обитель справедливости.

Это Макарку устранвало, н, подумав немного о светлом будущем, он крепко н спокойно уснул.

Подиял хозяин рано, но Макарка чувствовал себя хорошо отдохнувшнм. Даже рука меньше болела. Лобачев торопливо одевался.

— Понимаешь, Макар,— сказал он,— пока мы спали, контра обнаружнлась. «Дядька» твой разговорнлся. Бегу я, ладио? А ты ступай к нашему дежурному. Жди меия там. Найдешь?

Как ие иайти, ЧК через дорогу. Дождется Аидрея, когда ои коитру поймает, и попросит отправить на станцню. Загостился в городе, пора и честь зиать. И тут как обожгло Макарку — записка Вологжаниноа!

Хорошее настроение пропало.

Чекист уловил перемеиу, но нстолковал по-своему.

— Ты ие горюй, доктор не уйдет. Вот только освобожусь, я тебя самому главиому профессору покажу... Считай, ты уже здоров!

Зиал бы ои Макаркниу печаль! Ну как скажешь, что иадо идти к чертову Розерту? И ие иужны Макарке его деньги, без коровы обойдутся. Но Вологжаиии...

— Дядя Аидрей, а Вологжаииииа выпустят?

Чекист присвистнул.

— Нашел о ком думать. Ои птнца важная, его ты ие скоро увидишь, если вообще доведется встретнться.

Может, показать проклятую бумажку Лобачеву? Нет, скажет: утаил, контра такая!

Поплелся Макарка со двора, чувствуя, как дымится мамкниа кофта от записки Вологжаиина.

— Макар, а иу-ка стой!

Вздрогнул Макарка, остаиовился.

Лобачев краюху хлеба протяиул.

Едва отошел, опять Лобачев:

— Макар!

«Вот теперь хана,— решил Макарка.— Раскусил меня чекист».

А он газетку сует, заверни, мол, хлеб, как бы не отобрали.

Побрел Макарка узеньким переулком, проклинает себя: «Буржуйский пособник! Тебе как человеку поверили...» До чего безрадостная жизнь, а все записка виновата, ни дна ей ни покрышки. Вытащил записку — пальцы затряслись. Хочет порвать ее на множество клочков и не может. Вопреки воле рука сама вдавила квадратик бумаги в хлебный мякиш, от которого отщипывал лакомые крохи.

Уф, отлегло от сердца, дышать легче!

Так и шел по залитому солнцем большому городу куда глаза глядят. Возвращаться в ЧК было совестно, а как попасть домой — он не знал.

На мощеной улице встретилась колонна красноармейцев. Много их, впереди строя командир на коне, бинокль поблескивает, на боку сабля покачивается. Бойцы идут весело, по сторонам не глазеют.

— Чехов бить!— завидует незнакомый городской мальчишка и скачет вприпрыжку. Чинный господин теснит Макарку с тротуара, на красноармейцев не смотрит, нехорошо ему от одного их вида делается.

Колонна скрылась за поворотом, вслед полевая кухня прогрохотала, и улица опустела. Редкие прохожие ближе к домам жмутся. Тетка с бидоном пробежала, злющая собака загавкала. И вдруг — выстрел, еще один...

Из-за ближнего каменного дома два мужика топают сапожищами, у одного в руке наган. «Да это же Розерт!»— ахнул Макарка и, струсив, как заяц, закрутился на месте. То ли Розерт не признал, то ли не до приискового знакомца было, но пронесся мимо. А второй, набежав, двинул Макарку локтем, как кувалдой.

Очнулся мальчик и увидел: лежит тот мужик на спине, ногу подогнул, рядом кровь. А над ним стоит Лобачев, ну да, Лобачев! А Розерта нигде нет, ушел от чекистов.

Лобачев Макарке не удивился:

— Давай с нами. Повезем этого гада в больницу, а потом...

Уже далеко отъехали — хватился Макар свертка с хлебом. Здорово шарахнул его бандит!

Так сам по себе и решился вопрос о записке.

(3) Макарово озеро. Июнь 1988 года

После наваристой ухи Саня быстренько вымыл посуду, предвкушая продолжение рассказа деда Макара, и подсел к нему. Старик осторожно погладил ногу, поморщился, возвестил:

— Можжит, опять дождю быть...

Саня взглянул на ясное небо, но спорить не стал.

— Сомневаешься в прогнозе? Напрасно, это у меня верный барометр. Только вот дороговато я за это бюро прогнозов заплатил. Через него, можно сказать, и в плен попал.

— Как в плен?— не понял мальчик.

— А так, обыкновенно,— горестно усмехнулся Макар Андреевич.— Под Харьковом в сорок втором...

Он поворошил сучья в костре, помолчал, проверяя себя: а надо ли бередить прошлое, стоит ли?

— Стратегии, конечно, по молодости не понимал и слова-то такого не слышал. Сейчас, знаю, вся война по полочкам разложена, на генштабовских картах расписана и обнародована.

Сказали нам, надо Харьков вернуть, ну и пошли ворочать. Я командир отделения, у меня семь человек. Роте

иашей поручили к вечеру иевеликую шоссейку западиее городка Балаклеи оседлать. Вот и вся стратегия.

Подиялись и пошли по комаиде политрука, ротиого уже положило иасмерть. Бежим, стреляем. Куда стреляем — ие видим, одио ясио — враг спереди, там ихние «шмайссеры» стучат. Поле большое, открытое. Бежим, рты раззявив, сплошиое «Ура!». А я все время иа своих оглядываюсь, вдруг кто спасует. И догляделся, зацепило так, что белый свет померк, как в пропасть провалился.

Очухался в темноте. Нога ие своя, хвать за иее, а в сапоге хлюпает. Жалко стало себя, ио жалость глушу обидой иа товарищей. Шоссейку, видать, взяли, а меия за убитого сочли. Ползу вперед и вижу: огоиьки по полю перебегают. Курят, черти, а тут хоть подыхай. Закричал что было силы и созиаиие потерял.

Открываю глаза от яркого света — фоиарик электрический в лицо бьет, дымом табачиым пахиет. Я в те дии курил и за курево мог пайку хлеба отдать. Ребята, говорю, одиу бы затяжку... И как прозрел: ие иаши это, ие было у иаших фоиарей. А раз ие наши, стало быть, иемцы.

Не взяли мы свой рубеж. Вот тебе «броия крепка и таики иаши быстры»...

Миогие тыщи в те дии попали в окружеиие, а после и в плеи. Из роты иашей у немцев оказалось вместе со миой человек двадцать и политрук, в голову контужеиый. Ои, бедияга, тут же отмучился: по красиой звезде иа гимиастерке опозиали в ием комиссара и — в расход. А иас, рядовых, загиали за колючку, в лагерь для воеиioплеииых.

Спасло меия то, что иогу иасквозь прошило, иикакая холера ие привязалась, а условия были — страшиее ие придумать. Держали под открытым иебом, кормили раз в сутки: кусок хлеба с опилками, балаида с затхлой мукой.

И столько во мие злости иа этих выродков иакопилось, что встал я все-таки иа иоги, ие сдох.

По первому снегу отобрали охранники группу из тех, кто ходить мог, и повели на железиую дорогу. Кумекаем, путн восстанавливать, партизаиы их крепко шуровали. А нас в телячьи вагоны посадили и в Германию... Едем иа запад, жить ие хочется, тоска...

Макар Андреевнч подбросил в костер сухару, и отблески пламени забродили по лицу, выхватили из темиоты ближине кустарикн. Саия неотрывио смотрел на его корявые руки, ломавшие сушияк, и ждал, что вот-вот он скажет спасительную фразу: «Тогда и удалось бежать к партнзаиам...» — и все завершится благополучно.

Но Макар Андреевич закончил совсем ие так.

— О побеге думали все, ие у всех получилось. И у меня ие вышло: выломал доску в полу вагоиа, а тут стаиция, проверка, Избилн так, что думал, конец пришел, больше не поднимусь.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

(1) Лидингенхейм. Август 1943 года

Лотарнигия. Малеиький городок Айанж. Концентрационный лагерь Лидингенхейм. Здесь Воронкову выдали башмаки иа грубой подошве н порцию мутиой жижн с гнилой картошкой.

К лагериому рациону человек привыкает. Обувка так себе, ио терпима. А вот когда стали иомер накалывать иа тело, Макар вышел из себя.

— Я не скот!— гиевио запротестовал ои.

— Я! Я!— оскалился эсэсовец.— Ти ие есть скот, скот — это хорошо. Ти есть швайи! Руссиш швайи!

Макар потерял самообладание. Сейчас ои схватит этого сытого, пышущего здоровьем блокфюрера и будет рвать ему горло...

Плеииый сделал шаг вперед, и эсэсовец зацарапал лакироваиную кобуру пистолета. В этот миг на плечо Макара легла рука соседа по иарам, которого все звали Грузииом. Никто, даже в каицелярии лагеря, ие зиал его фамилии. Был ои молчалив, замкиут, но плеиные тянулись к иему, чувствуя силу, волю, убеждеиность. Даже здесь Грузин занимался гимиастикой.

— Отставить, сержаит,— твердо сказал Грузин.— Выдержка — это тоже оружие.

Кто ои был, этот человек? Известио одно — летчик и, судя по возрасту, в иемалом чине.

Кто Грузии? Этого изо дия в деиь добивался щеголеватый Валька Каии, в прошлом лейтенант-кавалерист Кучеренко. В ладной комаидирской гимиастерке, хромовых сапогах, с выпущеиным из-под кубаики пышиым чубом Валька Каии пользовался расположением комеидаита и ие уступал в палачестве матерым эсэсовцам. Ежедиевные допросы летчика ои начиная так:

— Как поживаешь, сталииский сокол?

Грузии словно не замечал предателя.

— Так,— свирепел Кучереико,— презираешь? Да? Гордый? Да? Чего ж тогда ты в плену, горный орел? Тоже ручки выше башки задрал, когда смерть в глаза посмотрела?

Молчание.

В ход шла иагайка.

Молчаиие.

Ои так и не сдался, летчик Грузии. Когда в очередиой раз Кучеренко накинулся иа иего, ои вырвал нагайку и, отделав ею спииу бывшего лейтенаита, брезгливо переломил череиок.

Наутро Грузина повесили.

А следующей ночью Вальку Каина настигла справедливая кара. Его нашли по подошвам сапог, торчавшим из выгребной ямы.

И без того невыносимая лагерная жнзнь усугубнлась донельзя. Тройные утренние н вечерние проверкн, неоднократные подъемы по ночам, увелнченные нормы в каменоломне, уменьшенные пайки, наказания без малейшего повода...

Макару дважды не повезло.

Сначала его допрашивалн с пристрастием как соседа Грузнна по нарам. Немцев очень ннтересовало, кто расправнлся с их кровожадным холуем. Макар не знал этого и радовался тому, что не знал, потому что боялся однажды не выдержать под кнутом блокфюрера.

А теперь его взял в оборот штандартенфюрер Эрнк Розерт.

Да, тот самый Розерт, некогда начальник охраны Воскресенского изумрудного прниска, компаньон Вологжанина, ротмистра гварднн его велнчества.

(2) Лиднигенхейм. Август 1943 года

Он прибыл в Лидингенхейм, чтобы расследовать дело попавшегося на финансовых операциях лагерного чиновника, и был наделен самыми суровыми полномочиями. Было у него еще одно, приватное поручение. Военный комендант Парижа генерал фон Шаумберг просил его отыскать опытного ювелира.

Знакомясь в канцелярии с картотекой, штандартенфюрер откровенно скучал. Еслн бы фон Шаумберг не дал понять, что дорого оплатит эту услугу, Розерт махнул бы рукой на бесконечные карточки учета военнопленных...

И вдруг его пальцы выбили нервную дрожь. Он не поверил глазам своим, еще раз пробежал документ и заметно разволновался.

Было от чего.

Заключенный № 5221 Макар Андреевич Воронков, 1908 года рождения, сержант РККА. Уроженец Камнегорска. Место работы до военной службы — Свердловская гранильная фабрика.

Неужели здесь, в этом лагере, Макарка Воронков, который должен был прийти к нему в июне восемнадцатого года в красном Екатеринбурге?

Все сходится. Хотя... У них, русских, целые деревни носят одну и ту же фамилию. Дикари!

Штандартенфюрер наполнил рюмку золотистым французским коньяком и тут же забыл о ней. Прошло столько лет... Замурзанный мальчишка давно взрослый человек, внешне он совсем иной... Иной, но ведь кожу он сменить не мог, а на коже шрам. Шрам на левой руке, шрам от изумруда, который пытался украсть Макарка. Такие заметки — о, уж он, Розерт, это знал!— остаются навечно.

— Здравствуй, старый приятель!— загремел добродушный бас Розерта, едва Макар вошел в канцелярию.

Макар узнал бы Розерта и на том свете. Такой же огромный, розовый, вот только чуток погрузневший. И по-русски говорит без акцента, Урал ему даром не прошел.

Розерт преисполнен благожелательства.

— Я тебя, Макарка, забыть не могу,— говорил он.— Давай руку...

Макар, недоумевая, повиновался. Уж не собирается ли «старый приятель» поздороваться с ним?

— Не ту, миленький, не ту,— хохочет штандартенфюрер.

Он сам подтянул рукав полосатой куртки и увидел то,

что иадеялся увидеть,— бледиый рубец на коже. Полиостью удовлетвореииый, успокоился: есть бог и ои ие оставил Розерта.

— А ты иадул меия, Макарка,— укорил Розерт.— Нехорошо обмаиывать старших. Но, как это у вас, кто старое помяиет, тому глаз вои...

— А кто старое забудет, тому два,— продолжил Вороиков.

Ои ожидал гиева, ио Розерт ие рассердился.

— Шутишь, Макарка! Отличио! Я зиал, что мы с тобой поладим. Только мы с тобой причастиы к тайие, которую уиес в могилу иаш дорогой друг ротмистр Вологжаиии... И то, что я тебя иашел, это прекрасио, Макарка!

Макар Вороиков встрепеиулся.

Вологжаиии... Зиачит, его давио иет в живых. Но что за тайна, уиесеииая им в могилу?

Розерт виимательио иаблюдал за плеииым, ои ие торопил его, пусть подумает.

Но Макар лишь пожал плечами, и штаидартеифюрер терпеливо, как ребеику, иапомиил, о чем ведет речь.

— Записка, Макарка, записка... Ну?— и он, словио школьный учитель, раздельио и четко продиктовал: —Ты должен был доставить мие в гостииицу «Пале-Рояль» записку Записку, поиимаешь? Где оиа?

Записка? Какая записка?

Это было в каком-то другом мире и было ли?

А если было, то с иим ли, с Макаром?

Не отводя глаз от Розерта, Макар едва сдерживал разошедшееся сердце. Очеиь важный секрет содержался в записке, если она через столько лет понадобилась Розерту. Что это за секрет?

— Записку помию, ее у меия... иа улице забрали...

— Давай, Макар Аидреевич,— перебил эсэсовец,— припомиим все по порядку. Где тебе передал записку Вологжаиии. На Воскресеиском?

— Нет, господин Розерт, он дал мне ее в ЧК. Перед допросом. Сказал, что меня все равно держать не станут, а записка вам нужна срочно.

— Ты ее прочел?— Розерт впился взглядом в пленного.

— Только начало. Там упоминалось ваше имя и шла речь о каком-то варианте. Да, я припоминаю: второй вариант...

— Второй?— подобрел Розерт.— Ты уверен?

— На память не жалуюсь.

— А почему не прочел записку полностью?

— Ее прочтешь,— буркнул Макар.— Я и тогда, и сейчас в иностранных языках ни бельмеса...

— Что такое «ни бельмеса»?

— Ну не разбираюсь... А там не по-нашему...

— Правильно, не врешь,— одобрил Розерт.— Не должно быть по-вашему. Дальше!

— Дальше? Владислав Антонович оказался прав, меня выпустили, какой с пацана спрос. Пошел к вам в гостиницу, хотел выполнить просьбу Вологжанина, он обещал, что вы дадите мне за это столько денег, что можно корову купить...

Розерт кивал.

— И не дошел... Тогда Екатеринбург урками кишел, вот и подловили они меня, керенки мамкины забрали и записку.

— Так. А за что Вологжанина арестовали? Что ты слышал?

— Не слышал ничего. А вот изумруды, которые при нем нашли, видел на столе у следователя. Знатные камни, скажу вам.

Глаза Розерта расширились, налились кровью. Казалось, его сейчас хватит удар.

— Так он был с саквояжем?!

...Черемушник. Барский дом. Блестящая, подраги-

вающая кожа взнузданного жеребца... А вот Владислав Антонович Вологжанин. Он выходит на крыльцо, в руках у него сума...

Это и есть саквояж. В нем изумруды? Наверное.

...Подвода медленно покидает прииск. За воротами Вологжанин останавливается, закуривает...

— Саквояжа не видел, а несколько камушков нашли в его шинели.

Розерт грязно выругался.

— Ворюга дворянская! Голубая кровь! Жадность погубила!

В один миг Макару стала ясна туманная история, в которую он попал в восемнадцатом году. Вологжанин, припрятав драгоценные камни где-то возле Воскресенского, шел на встречу с Розертом, но угодил в руки чекистов. И тогда он послал на связь его, Макара Воронкова... И теперь Розерт ищет клад, и снова Макар должен привести его к цели.

— Ты знал, что изумруды, много изумрудов, закопаны на Рассохах?

Пленный напрягся, весь превратившись в слух. Музыкой прозвучало для него родное название. Эвон куда подался Вологжанин с саквояжем!

— А ты хитрый, Макарка. О, это мне нравится, так поступают деловые люди. Ты не терял записку, ты показал ее человеку, владеющему французским языком. Ты был на этом месте. Так ведь?— Розерт перевел дыхание.— Но ты вдруг испугался. Да, ты испугался. У коммунистов все общее, а ты не захотел делиться с государством. В одиночку брать не решился — ЧК по головке не погладит. Я верно говорю? Ты умно поступил, Макар. Когда мы скоро придем на Урал, поделим с тобой сокровища... Как это? По-братски. И ты богат, и я богат.

Розерт, вернув превосходное настроение, оглушитель-

но захохотал. Он ие обманывался насчет записки. Конечио, Макарка говорнт правду, оиа пропала бесследио.

Ну и бог с ней, запиской. Розерт из Макара вытяиул главное — ротмистр выбрал второй вариант. А это зиачит, изумруды в Рассохах. В этой чертовой глушн без проводника ие обойтись. А Макар чем ие проводиик? Итак, он убьет двух зайцев, как говорят русские, угоднт иачальству н себе проводника обеспечит.

(3) Макарово озеро. Июнь 1988 года

Барометр Макара Андреевнча прогнознрует точио — вместе с темиотой навалнлся н глухой дождь. Он разогнал комаров и заставнл людей перебраться в сторожку.

В сторожке было сухо н тепло. Макар Андреевич быстро погрузился в сон, Саня приткиулся на его лежаике с краю. Глядя в крохотиое оконце, задумался о своей жизни. Получалась у него какая-то ерунда. Ничего на свете ие видел, «ие был», «ие участвовал», «ие имеет»...

Саня не заметнл, как задремал.

Разбудил его стук в дверь. В полутьме увидел, как вышел иа улицу дед Макар и почти сразу вериулся, с ним в нзбушку зашел высокий, плечнстый человек.

Макар Андреевич зажег свечку.

— Э, да ты ие один... Кто квартнрует?— голос был Сане незиаком. Да и вошедшнй стоял боком, никак не разглядишь.

— Иижeнера Ладыгнна с «Буревестника» знаешь? Так это его паренек гостит.

— А, это того, что за рубежом работает. Как же, рыбачили вместе не однажды, славный мужик.

— Точио, Борнс Иваиовнч, и рыбак ои мировой. Парнишка вон тоже приохотился.

Человек, которого дед Макар назвал Борнсом Ивановнчем, сбавнл голос:

— Как бы не разбудить. Ему наш разговор нн к чему.

Саня, собнравшнйся встать, крепче зажмурил глаза. Ему было стыдно прнтворяться, что спнт, но н подннматься теперь показалось неловко.

— Да спнт он без задних ног,— успоконл Макар Андреевнч.

— Стало быть так, Андреич... Странные вещи в твоей епархии происходят. Пещеру в Нечаевском знаешь?

— Ну как же,— насторожился дед Макар.

— Во-во,— еще глуше заговорнл гость.— Ожнла пещера, опять кого-то на сладкое потянуло. Кто бы это, ума не прнложу. Никого не встречал?

— Обижаешь, Борнс Ивановнч...

— Простн, старый, но дело серьезное. Только разбитый фонарик нам в качестве трофея достался.

— Рнскованный народ,— всплеснул рукамн Воронков.— В этой пещере заплутать недолго, нз нее ходы аж в Черное болото уводят. Я бы не отважился туда сунуться.

— Смельчаки,— подтвердил собеседник.— Так что не в службу, а в дружбу, Андреич. Глаз у тебя зоркнй, определишь, кто н зачем в тайгу пожаловал. Это поважней будет, чем клад Вологжаннна. Есть он нлн нет — доказать невозможно, а тут наяву державу грабят.

(4) Макарово озеро. Июнь 1988 года

Дед Макар после ухода ночного гостя быстро затих и лишь нзредка легонько всхрапывал. А Саня, растревоженный новостью, не мог сомкнуть глаз.

Выходнт, что он н Днмыч спугнулн орудовавшнх в пещере преступнннков?

Чем больше размышлял Саня, тем очевндней представлялась ему собственная вина. Ведь ннчего не стоило в тот же день рассказать о встрече в пещере первому же мнлнцнонеру, так нет, прнключеннй захотелось. Сейчас, может быть, те, нензвестные, в другом месте, как сказал этот Борис Иванович, «державу грабят» безнаказанно да радуются, что вовремя рукн в ногн взялн, покннув Нечаевскнй лог.

«Эх, растяпы!»— окончательно расстроился он.

Утром, умываясь с мостков, Саня осторожно спроснл Макара Андреевнча:

— Кто это приходил ночью? Или мне прнсннлось?

Дед Макар вннмательно оглядел мальчнка:

— Так ты не спал?

— Спал,— убежденно завернл Саня.

— Так, старннный знакомец,— слукавил дед.— Большой любитель рыбалки, у меня снастн држнт. К слову, твой роднтель его хорошо знает.

— А как его фамнлня?— на законном основанни осведомнлся Саня.

— Шевченко. Шевченко Борис Ивановнч.

СТАВКА НА ИНСТИНКТ

(1) Лидингенхейм. Август 1943 года

Днн бежали за днями, а с Воронковым ничего не случалось. Больше того, от работы в каменоломнях он был освобожден н послан в кранкенбаракеи, где содержалнсь тяжелобольные пленные. Ухажнвать за ними — ие камни ворочать.

Эрик Розерт считал себя психологом и продумал партию на несколько ходов вперед. Поездка в Париж, неделька-другая совершенно иного образа жизни, сытная пища, блеск самоцветов...

Макарка охотно поможет ему. Должен! А если откажется — сгниет заживо, и он, Розерт, пальцем не шевельнет, чтобы помочь ему.

Успокоенный решением, эмиссар из Парижа приказал привести заключенного № 5221.

Розерт веером раскинул по столу иллюстрированные журналы.

— Смотри, как живут люди: вилла на взморье, яхта, красивые женщины...

Макар переминался с ноги на ногу.

— Когда мы найдем клад, ты сможешь поехать в любую страну,— рисовал блестящие перспективы Розерт.— Я бы лично выбрал Латинскую Америку. Аргентинское танго, пальмы, мулатки... А пока,— бравый штандартенфюрер сделал многозначительную паузу,— нам предстоит поездка в Париж...

Пленный опешил. Уж не ослышался ли он? Чего-чего, а этого он не ожидал.

— В Париж, Макар Андреевич, в Париж. Видишь, как я забочусь о тебе. Ты же хороший огранщик, и было бы преступлением дисквалифицировать такого специалиста. Мой шеф знает толк в камнях, но он не доверяет французам и евреям. К тому же их услуги стоят дорого, а фон Шаумберг скуповат. Полагаю, ты с него лишнего не запросишь?— Розерт аж взвизгнул от своего остроумия.

Вероятность хотя бы на время избавиться от кошмаров лагерного быта поразила Макара более всего.

— Слушаюсь, господин Розерт.

— Ну зачем же так,— пристыдил офицер.— Я для тебя Эрик, Эрик Иванович. Мы компаньоны, не правда ли?

(2) Перегон Эперне — Париж. Сентябрь 1943 года

Поезд шел в иаправлеиии Парижа. Проиосились мимо зелеиые, ухоженные квадраты пашни, добротиые камеииые постройки, острокоиечные кирхи и шатровые католические соборы.

Макар Вороиков ие отрывал взгляда от окиа. Ои был одет в светлый плащ, выбрит и пострижеи и виешие иичем ие иапомииал узиика Лидиигеихейма.

Напротив в купе сидел Розерт. Ои ие докучал разговорами — это тоже входило в его плаи, и даже подремывал, разрешая себе расслабиться, поскольку за плеииика ие беспокоился. Отбориые парии из его свиты заиимают соседиие купе, а слух у иих — дай боже каждому музыкаиту! Да и Макарка вряд ли отважится иа побег.

На крупных стаициях часто проверяли докумеиты. Бумаги Розерта производили впечатлеиие на служак вермахта. В полупустое купе иикто ие иапрашивался, хотя вагои был забит отпускииками, возвращавшимися в зоиу оккупации офицерами и солдатами.

На перегоие Эперие-Париж гитлеровцев поджидала большая иеприятиость. Партизаны разобрали железиодорожиое полотио, и состав обессилеиио замер, выпуская облака пара и дыма.

Едва из вагоиов высыпали вооружеииые солдаты, с двух сторон резаиули партизаиские пулеметы.

Началось столпотвореиие.

Звеиели стекла, купе иасквозь простреливалось. Конвой, если кто и уцелел, иа помощь не спешил. Штаидартеифюрер и его плеиник чуть ли не в обнимку лежали иа полу вагоиа.

«Так вам, так вам,— злорадствовал Макар.— Весь бы гадючиик передавить!»

Не обращая вннмания на стоиы раиеных, герои фраицузского похода в испуге покндалн купе.

Розерт тоже ие выдержал. Словно буйвол, он волок за собой чахлого Макара, хрнпя н ругаясь.

Передиие вагоны уже занялнсь огнем. Замолчали крупиокалнберные пулеметы на охраниых площадках — партнзаиские гранаты расшвырялн нх обслугу.

В этом хаосе разрывов н посвиста пуль Макар и Розерт, кланяясь и прнпадая к земле, благополучио добежали до мелкого оврага у железнодорожной иасыпи.

— Шиеллер!— скомаидовал Розерт, порастерявший в этой огнеиной свистопляске русские слова. Ои первым упал в овраг, увлекая за собой Воронкова. Рухнув иа иего, Макар ожидал скорой зуботычииы, но немец ие шевельнулся.

— Шнеллер!..— тихо повторил Розерт, прноткрыв иеживые глаза. Пуля нз меткого автомата успела-таки сиять с него фуражку н поцеловать в голову. Струйка крови, выбегая из-за уха, окрашивала шею н прижатую к ией пятерию Розерта.

Макар некстати пожалел «старого прнятеля», а пожалев, осерчал на себя. Но добнть Розерта он ие смог, хотя «вальтер» образца 1938 года перешел в его руки.

ТРОЕ НА КРАСНЫХ «ЯВАХ»

(1) Камиегорск. Июнь 1988 года

После подземиого путешествия оии еще ие виделись и, встретившись, обрадовались друг другу.

— Ну иадо же.— досадовал Димыч,— и как ме-

ня угораздило забыть фонарик! Если бы не тот мешок... Фу, как он напугал меня, до сих пор поджилки трясутся.

— А я думал, ты ничего не боишься,— сказал Саня.— Я даже не заметил, что ты испугался.

— Ну да... Ты просто в темноте не разглядел.

Спокойный, рассудительный Саня и горячий, эмоциональный Димыч во многом дополняли друг друга. Может быть, сами они пока этого не сознавали, но им было хорошо вместе счастливо переживать недавние страхи, просто болтать, неспешно прогуливаясь по городу. Заговорившись, Саня не сразу понял, что его окликнули.

Рядом, в трех шагах, стояла Даша.

— Мальчики, мальчики,— затараторила она,— как вы мне нужны! Скажите, вы согласны мне помочь?

Ребята переглянулись.

— Понимаете, папа поручил мне очень важное дело, надо отнести одному человеку батарейки к транзистору. И непременно сегодня,— она вздохнула.— Сам он не может, срочная работа, а батарейки обещаны. Что скажете, рыцари? Готовы ли вы меня сопровождать?

Ее левая бровь подрагивала — верный признак того, что Даша проверяет, как действует ее обаяние.

— Да хоть сейчас... А куда идти?

— За город.

— К деду Макару?— спросил с надеждой Саня, зная, что Дашин отец служит лесничим и Макарово озеро входит в границы его участка.

— Ага,— улыбается Даша.— Что, слабо?

— Отчего же...— смутился Саня.— Ты как, Димыч? Это, кстати, за Нечаевским логом, можно заглянуть.

Димыч не успел открыть рот, как Даша перехватила инициативу:

— Обещаю райский уголок и золотого деда. Ну?

И Димыч клюнул.

— Через час на автовокзале,— Дашины каблучки стучали уже далеко, а Димыч растерянно глядел ей вслед.

— Не втрескайся,— счел своим долгом предупредить Саня.

— Не бойсь,— успокоил товарищ.— Невооруженным глазом видно, что вакансий нет. А кто это дед Макар?

Уж тут Саня разошелся!

Димыч слушал его, слушал и сказал:

— Если этот сундук...

— Саквояж,— поправил его Саня.

— Я и говорю, саквояж... Если его найти, знаешь, сколько это будет денег! Наверное, на спасение Байкала хватит.

— Хватит,— подхватил его мысль Саня.

— Слушай!— сказал Димыч упавшим голосом.— А если господин ротмистр этот жив остался и выкопал изумруды?

Но Саня отверг его сомнения без раздумий.

— А на кой черт тогда нужен был Макар Розерту? Он ведь шпионил на Урале, узнал, что Вологжанина уже нет. А сам сунулся — тык-мык, тайга велика...

— Верно,— облегченно вздохнул Димыч и замолк.

Теперь он был Сане не просто товарищ, а хороший друг. Ведь только друзьям доверяют сокровенные секреты.

(2) Макарово озеро. Июнь 1988 года

Не зная, почему ребята захотели сначала навестить Нечаевский лог, Даша настояла на своем — только на обратном пути: сделал дело, гуляй смело.

Макара Андреевича не узнать, принарядился: на темном пиджаке гвардейский значок, медали. Батарейкам он удивился, не скрыв радости.

— Ну, Дарья, у тебя не отец, а министерство социального обеспечения. А я-то думал, чего он приемником моим интересуется. Молодец! И вы, ребята, молодцы, а то чаевничать бы мне одному в свой день рождения.

Так вот почему батарейки нужно было доставить непременно сегодня. Подарок!

— И сколько же вам, дедушка?— хлопает ресницами Даша.

— А сколь не жаль — все мои.

— Ну шестьдесят...

Дед прыскает в кулак, выжимая смешок.

— Ай да гадалка! Ты, Дарья, не пропадешь...

— Нет, правда,— поддержал Димыч,— вам, Макар Андреевич, больше не дашь.

— Вот и славно,— петушком прошелся по кругу дед,— мне больше и не надо, хорошо сохранился.

И тут же посерьезнел:

— За добрые слова — спасибо, а восемьдесят свои чувствую каждой жилкой. Как ни крути, а скоро судный день... А пока, гости дорогие, прошу к столу!

Димыч наладил приемник, и Макар Андреевич принялся потчевать гостей. Они наслаждались свежими лепешками, макая их в цветочный мед, пили смородиновый чай. Вкуснота!

Даша пыталась говорить с Макаром Андреевичем по-французски, он робко вспоминал полузабытые слова, беспомощно разводил руками. Ребята не вмешивались. Саня язык подзапустил, да и Димыч улавливал только общее направление разговора.

Безмятежно горел костер.

Слышно было, как плескалась в озере рыбешка.

И вдруг словно несколько бензопил разорвали тишину — к озеру, яростно газуя, выкатились три мотоциклиста на красных «Явах». На головах блестели круглые, как

у космоиавтов, шлемы, тела втисиуты в короткие курточки из чериой кожи.

Пришельцы слезли с пьедесталов и скииули шлемы. Теперь их можио было разглядеть.

Были оии какими-то одииаковыми и вместе с тем резко отличались друг от друга. Одии кряжистый, ладно скроеииый париюга, другой иебольшой, узкоплечий, с малеиьким личиком. А третий — обычиый ГОСТ, такой если выделится в толпе, то разве только обритым иаголо шишкастым черепом. Но он-то и был предводителем — видио по тому, как остальные оборачивались иа иего, ожидая комаиды.

Было что-то в мотоциклистах такое, от чего Димыч весь иапружинился, а Саия иахохлился, замер. «Вот так, иавериое,— проиеслось у него в голове,— иачииаются войиы». Пересилив прилив страха, ои подиялся, ие выпуская из рук суковатую палку, которой ворошил огонь в костре.

— Привет!— во всю луженую глотку гаркиул Лысый. Да, это был Лысый — в один миг Саииио подсозиаиие иаделило мотоциклистов положеииыми им кличками: вои тот малеиький, похожий иа мелкую зверушку, будет Хорьком, а верзила Дылдой.

— Здравствуйте, коли с добром,— отозвался дед Макар.

— С добром, с добром, старый пеиь,— весело оскалился Дылда.— Принимай гостей и мечи на стол все, что есть. Заправиться бы ие мешало,— ои загляиул в котелок:— Мед! А медовуха есть?

Парни были постарше года на два-три, выпускники школы или из ПТУ. Но кто бы они ии были, чувствовалось, что вежливости их не иаучили.

— Так в гости ие ходят,— возразил Макар Аидреевич.

— Заткиись, дедуля,— выдавил Лысый.— Если побрякушек иавешал, то умным стал?

Дед притих, от его прежнего настроения ничего не осталось. Коротко ойкнула Даша. Это Хорек пытался погладить ее плечо. Он придвинулся ближе и, облизывая губы, нагло сказал:

— Пионерка, а все при ней есть...

В ту же секунду Димыч, резко схватив Хорька за шиворот, придал ему ускорение. Хорек блеснул в воздухе подковками ботинок.

Не ожидавшие реактивного отпора, мотоциклисты на какое-то мгновенье оцепенели. С их точки зрения, по-видимому, сопротивление, оказанное мальчишками, было неслыханной дерзостью.

Лысый разжал побелевшие губы и выплюнул окурок:

— Сами напросились!

Тотчас в кулаке Хорька появилась велосипедная цепь, а Дылда извлек из-под кожанчика ржавый металлический пруток.

Вот когда Сане по-настоящему стало страшно. Да и на Димыча подействовала угроза. Он беспомощно остановился и принял оборонительную стойку.

Как полководец, движением руки Лысый бросил вперед своих телохранителей. И быть бы на озере безжалостному побоищу с непредсказуемыми последствиями, но из-за ближних зарослей почти без шума выкатился болотного цвета грузовичок с надписью на дверце кабины: «Министерство геологии РСФСР». Сидевший рядом с шофером человек вылез из кабины и направился к костру. Резиновые сапоги и пропыленная штормовка свидетельствовали о том, что их обладатель не случайный гость в тайге.

Лысый оценил обстановку.

— Хорош, считайте, что вам повезло. Но ты, черномазый, учти, отныне мне крупно задолжал...

Дылда погрозил железякой, и летучая банда, взревев моторами, взмыла по тропинке.

6 Зак. 126

Геолог проводил их цепким взглядом.

— Кажется, мы вовремя, так что прощеиия за визит ие прошу. Где-то здесь наши работают, не подскажешь, отец?

Макар Аидреевич откликиулся с охотой:

— Это в Нечаевском логу, первый свороток иалево.

Человек поблагодарил и вериулся к машиие. Уже с подножки крикиул мальчишкам:

— Одии за всех, и все за одиого!

Знаменитый мушкетерский девиз был сегодия как иельзя кстати. Но Димыч был явно чем-то обеспокоен.

— Послушай, Сань, ты иикаких страииостей ие обнаружил в этих рокерах?

— Да оии все иеиормальиые...

— Я ие о том. Обратил виимаиие на бугая с голым черепом?

— А что?

— Да так, показалось...

(3) Нечаевский лог. Июнь 1988 года

Там, где еще иедавио они выбирали землю для теплнц, стояла буровая вышка. Возле вагончика дружелюбио виляла хвостом рыжая собака. Рабочий таскал в приткнувшийся к вагоичику «уазнк» деревянные ящики с камеиными продолговатыми цилиидрами.

— Керны в лабораторию повезли,— со зиаиием дела сказал Саня, наблюдая за рабочим, молодым парнем в заиошеииой солдатской гимиастерке, и поясиил товарищам:— Геологические пробы, зиачит, проверяют, на какой глубиие какая порода залегает.

Пареиь закоичил носить ящики и заметил зрителей. Он напустил иа себя строгий вид и замахал рукой, мол, уходнте, здесь постороииим иельзя иаходиться. Но Димыч, как всегда, ие оробел, иоги сами поиесли его к гео-

логоразведчику. Привыкший к армейской дисциплине, парень оторопел.

— Ты что, пацан, русского языка не понимаешь?

Димыч быстро нашелся:

— А вы ничего не говорили.

— Скажите, пожалуйста, какой непонятливый. Здесь производственный объект, ясно?

— Так точно,— отрапортовал Димыч и улыбнулся:— Разрешите узнать предмет поиска. Золото? Изумруды?

— Ну ты нахал!— изумился геолог.— Вот так просто и открыть тебе государственную тайну? Но если хочешь знать, скажу. Ищем мы, брат, глину...

— Глину?— Димыч был разочарован.— Чего ее искать, она повсюду под ногами.

Парень засмеялся и пошел в вагончик, а Димыч вернулся к товарищам и долго еще бубнил себе под нос:

— Глину он ищет. Нашел дурачка лапшу вешать.

Безусловно, все они были уверены, что геологоразведка ведет поиск изумрудных сланцев. Но больше всех была уверена в этом Даша, только что узнавшая тайну гранитной пещеры.

В ОТРЯДАХ СОПРОТИВЛЕНИЯ

(1) Париж. Август 1944 года

Удачно напали партизаны на поезд с оккупантами. Так и не выполнил Розерт наказ военного коменданта Парижа. А вскоре фон Шаумбергу драгоценные камни и вовсе не понадобились. Тем же отчаянным народом он был застрелен прямо на улице

французской столицы. Эту операцию провели подпольщики под командованием армянина Мисака Манушяна.

Около четырех тысяч советских военнопленных и восточных рабочих сражалось в отрядах французского Сопротивления. Были и чисто русские подразделения, и смешанные формирования.

19 августа 1944 года жители Парижа начали восстание. На помощь им спешила 2-я французская бронетанковая дивизия генерала Леклерка.

Отряд, в котором воевал пулеметчик Макар Воронков, вышибал оккупантов из маленького пригорода, одного из многих, откуда в столицу в мирные времена доставлялась зелень.

Войска фашистского командующего генерала Хольтица с кровью отдавали квартал за кварталом.

Только к вечеру фашисты были изгнаны из предместья, и если бы не ночь, партизаны двинулись бы дальше — велико у каждого было желание расквитаться с бошами, как называли здесь немецких захватчиков.

Наступило затишье, и тут Макар понадобился командованию. Послали его в соседний отряд, в котором были только французы.

Зачем да почему, не спрашивал, у военных людей это не принято. А сам думал: пулеметчик нужен, а он, Макар, автоматическим оружием в совершенстве владеет.

Доставили Воронкова партизаны в старый каменный дом. По скользкой винтовой лестнице поднялись на полутемный чердак. Там свеча горит, освещая лежащего на кровати перевязанного человека: сквозь бинты кровь проступает, глаза прикрыты.

Воронков вгляделся: незнакомы, не встречались вроде никогда. А человек будто проснулся, приподнялся на локтях, его рассматривает и улыбается почему-то. Славный такой француз его лет. И Макар в ответ улыбнулся.

Спрашивает его француз:

— Скажи, тебя ие Иваиом зовут?

— Нет,— говорит пулеметчик,— Макаром кличут... Не сразу сообразил, что фраицуз иа чистейшем русском языке говорит.

— Прости, что тебя мои ребята побеспокоили. Был бы верующий, священиика пригласил, ио жизиь сделала атеистом.

Ои сиова откииулся иа подушку и замолк. Оглядывается Макар иа своих провожатых и иичего в толк взять не может.

— Русский, что ли?

— Нет, это Жорж Меиье, иаш командир. Сегодия тяжело раиен при штурме вот этого дома. Здесь эсэсовцы иасмерть стояли, едва выкурили, а вот Жоржа ие уберегли.

Раненый командир, которому уже иичто ие могло помочь, попросил привести к иему любого русского.

Жорж вырвался из беспамятства, встревожеино оглядел серое помещеиие чердака. Заметив Макара, успокоился, даже повеселел.

— Значит, ты Макар? Хорошее имя. Жаль, у меия никогда ие было ии одиого зиакомого с таким имеием. А пословицу русскую не раз повторял, когда случалось бывать там, куда Макар телят ие гонял...

Говорил ои медлеиио, видимо, дела его были действительио худы, иадрывио кашлял.

— Откуда родом, Макар?

— С Урала я,— приготовился было ои объясиить, что это за Урал такой и где иаходится. Но объясиеиия ие понадобилось.

— С Урала?— дериулся партизан.— А в Екатериибурге был?

— Ну как же, и в Екатериибурге, Свердловске то есть. Оттуда и в армию призваи.

— Да, да Свердловск, я все по старой памяти...

Теперь настала очередь удивляться Макару.

— А ты не удивляйся, Макар,— словно прочитал его мысли Жорж Менье.— Нечему тут удивляться, русский я. Земляки мы с тобой.— Раненый отдышался и продолжил:— И фамилия у меня уральская. Кузнецов. Георгий Степанович Кузнецов. Жоржем Менье стал в тридцать седьмом, когда в Испании друга моего лучшего франкисты убили на моих глазах. Его имя взял, да проносил недолго, сам видишь, не жилец я... А Урал... Сколько раз вспоминал я его в своих скитаниях по белу свету! Странный последний день дома... Какая-то загадка с ним связана, теперь уж не разгадать ее мне...

(2) Екатеринбург. Июнь 1918 года

Отец Гоши Кузнецова был состоятельным екатеринбургским адвокатом. Мать тоже человек известный, владелица галантерейного магазина на Покровском проспекте.

Покровский проспект в уральской столице место особое — городская дума, управление железной дороги, банки, гостиницы, магазины, аптеки, кинематограф «Рона».

В семнадцатом году словно метлой повымело с проспекта его привычных обитателей.

Кузнецовы революцию не приняли.

Отец встрял в один из тех многочисленных заговоров, что плелись вокруг освобождения царского семейства, и сгинул без вести. Оставшись одна, мать часто исчезала, а если была дома, то ее окружали чужие люди, и Георгий оказался предоставленным самому себе. Он целые дни проводил во дворе, слонялся по городу, любопытствовал.

Его привлекал угол Покровского проспекта и Златоустовской улицы, где раньше была гостиница «Американские номера». С недавних пор в ней появились новые люди. Онисимов, сосед Кузнецовых, прятавший у себя оружие, имел честь с ними познакомиться, теперь на улицу не ходит, боится.

Сюда, в ЧК, доставляли под охраной и неведомых бродяг, и прилично одетых людей. Отсюда выходили на облаву вооруженные солдаты и штатские в кожаных куртках. День и ночь у подъезда маячил часовой.

Под вечер Гошка Кузнецов заметил, как патруль доставил в бывшую гостиницу крепкого, борцовского вида, высокого человека в солдатской шинели и маленького оборвыша — из тех, что сбивались в шайки и носились по улицам в поисках крова и пищи, наводя страх на добропорядочных горожан.

Гошка пожалел мальчишку, попавшего в чрезвычайку. Неужели и его поставят к стенке?

Слово «стенка» на устах у всех. Его часто повторяет мать, проклиная комиссаров, загубивших адвоката-патриота Кузнецова, к стенке ставить большевиков призывает поручик Голубев, лишенный наследственного золотого прииска. Бледнеет при упоминании этого слова навек перепуганный Онисимов.

Может быть, этот гаврош был разведчиком белых полков и его без сожалений вывезут за город, где негромко хлопнет очередной чекистский выстрел?

(3) Екатеринбург. Июнь 1918 года

И как обрадовался Гоша Кузнецов, когда на следующий день встретил на свободе того самого оборвыша.

Поначалу он даже не признал его: умыт, причесан, а главное, жив-здоров и без конвоира. Мальчишка нес небольшой сверток, шел неуверенно, то и дело вскидывая голову, по слогам читал вывески на домах.

Но как же он уцелел, этот храбрый мальчик?

На Успенской играла музыка. Проходила воинская часть. Толпились зеваки, носилась шпана.

Мальчишка со свертком остановился, заглядевшись на красноармейцев. Его толкали, какой-то господин, которому он преградил путь, сорвался на крик.

Но вот солдаты прошли, толпа рассеялась. Гошка совсем уж было насмелился подойти к мальчишке, как почти под ухом трахнули выстрелы, и на улицу из-за магазина купцов Агафуровых выскочило двое в разномастной одежде.

Гошка отшатнулся к забору, ловко забежал в открытый подъезд, а мальчишка, наоборот, бросился на середину улицы. Один из бежавших сшиб его с ног, другой развернулся, поднял руку с револьвером.

Показались и преследователи, они тоже стреляли. Гимназист закрыл глаза. Как сквозь ватный, обволакивающий сон, расслышал голоса.

— Лобачев, этого возьми на себя, мы за бандой!

— А парнишка?

— Что парнишка?

— Да ушибся он сильно...

— Действуй по обстановке!

Гошка выглянул в приоткрытую дверь. Напротив подъезда двое чекистов возились с раненым. Рядом, держась за голову, стоял тот мальчик.

Шумно подъехала машина, раненого подняли в кузов, туда же посадили гавроша.

Автомобиль удалился, и Гошка, покинув убежище, сразу наткнулся на сверток, сиротливо лежавший на мостовой.

Сверток оказался легким: в газете был хлеб, еще не успевший зачерстветь. И гимназист Кузнецов, чьн обеды становились все бедней, бережио завернул краюху снова в газету.

Два чувства схватилнсь в ием: считать иаходку своей илн разыскать мальчика и вернуть ему хлеб. Прнсваивать чужое нехорошо... После раздумий Гошка решил отдать хлеб прислуге.

Вернувшись домой, он, сдерживая голод, направился на кухию, но по дороге воровато отщипнул мякиша. К своему изумлению, выковырнул наружу н клочок бумаги. Это была записка, наполовину составленная порусски, наполовнну по-фраицузски. Одно слово было не совсем обычным. Рассохи. Похоже на росомаху. Гошка так и застыл на месте — от записки веяло тайной. Нет, не случайно мальчншка побывал в ЧК, н сейчас его увезли... Но времени на размышлеиия у Гошки не оказалось: из прихожей послышалнсь шаги матери. Ну, сейчас иачнется! Что да откуда, да стыдио ребенку из приличной семьн подбирать на улице всякую дрянь...

Гошка толкнул первую попавшуюся дверь и очутился в отцовском кабннете. Сунул бумажку в огромный фолиант на столе, но этого показалось недостаточно, и он костяным ножом для разрезания страниц утолкал записку под корешок кннги, надеясь после, в одиночестве, вернуться к находке.

В испуге только успел пробежать взглядом по названию тома: буквы большие, рнсованные, что-то про Русь.

А хлеб?

Гошка завертелся волчком и опрокинул корзину для мусора. «Прости меня, боженька!»— шевельнулось в мозгу, и краюха затерялась среди ненужных, скомкаиных бумаг.

Мать пришла не одна. Вместе с ней явнлся худощавый подтяиутый человек. Глаза у него были холодные,

стального цвета. Гошка не сразу узнал в нем поручика Голубева.

— Собирайся, сын. Юрий Михайлович отвезет тебя в Самару к тете Марине.

— Я не хочу в Самару...

— Твое желание не имеет значения. Так надо, Георгий, я тоже здесь не задержусь.

(4) Париж. Август 1944 года

Так началась долгая одиссея екатеринбургского мальчика Георгия Кузнецова.

В Самаре поручик Голубев, ставший мужем тетки Марины, зверствовал в контрразведке. Потом, когда красные перешли в наступление, они целый год бежали на восток.

Опомнился Гоша только в Китае, в переполненном беженцами Харбине, странном русско-китайском городе, собравшем в своих стенах петроградских аристократов, уральских промышленников и сибирских купцов.

Отец, как к тому времени выяснилось, был убит. Но не красными, а обычными грабителями, которых привлек толстый бумажник адвоката-заговорщика. Мать на пути в Самару умерла от сыпного тифа.

В Харбине попечители мальчика не поделили оставшиеся капиталы и расстались. Голубев пошел довоевывать с Советами под знамена барона Унгерна, а тетка с золотом украдкой от племянника перебралась в Австралию.

Там, в Сиднее, Георгий ее отыскал, но тетка, скупившая несколько овцеводческих ферм, не захотела признать бедного родственника и сдала его в полицию.

Настали трудные дни.

Рано повзрослевший Георгий был грузчиком в Бомбее, продавцом мороженого в Бразилии, носильщиком в Марокко.

Судьба занесла его в Югославию, где он учился в русском кадетском корпусе,— белая эмиграция готовила офицерские кадры для армии отмщения. Но Георгию эти игры порядком надоели.

Кузнецов поморщился от боли и замолк, собираясь с силами.

— Рванул я тогда в Париж, там мне неслыханно повезло — устроился шофером такси. Со многими бывшими офицерами, разочаровавшимися в белой идее, подружился, а когда в Испании зашевелились фашисты, тайком перебрался туда, в интернациональную бригаду.

После поражения республиканцев он попал в лагерь для интернированных, чудом бежал — помогли французские друзья.

Целыми днями кружил Кузнецов вокруг особняка на Рю де Гренель. В этом особняке располагалось советское представительство. И не решился переступить порог. Да и был он тогда уже Жоржем Менье...

Слабел голос Кузнецова-Менье. Они, Воронков и Кузнецов, должны были встретиться дома в восемнадцатом году, а судьба свела их через четверть века на чужбине...

— Вернешься на Урал, поклонись...

Догорела третья свеча.

(1) Камиегорск. Июль 1988 года

Совершенно неожиданно Димыч попал в больницу. Ои возвращался домой, срезая путь через пустырь, и прямо иа иего из-за стены тополей вылетел мотоцикл. Удар пришелся скользом, ио, падая, ои стукиулся о бордюр и разбил голову.

Мотоциклист даже ие остаиовился.

Случайиость? Или месть баиды Лысого? Саня н Даша были увереиы — это Хорек.

В вестибюле травматологического отделения шел ремоит, доступ в палаты был запрещеи. Ходячие больиые спускались к посетителям, но Димыч к их числу ие приадлежал.

Будь Саия одии, ушел бы иесолоио хлебавши. Но Даша не умела остаиавливаться перед запретами. Дежуриый врач, дядька уже старый, лет тридцати, не устоял перед сиогсшибательной улыбкой юиой особы.

Победительиица, а как ииаче иазвать Дашу, броснла Саие ие первой свежести халат.

— Накииь. Валерий Петрович иас проводит.

Ого, и познакомиться успела!

Валерий Петрович предупредил, что засиживаться иельзя, больиому нужен покой и вообще сотрясеиие мозга дело серьезное. Говорил ои тихо, спокойио, и Саия осозиал свою иеправоту. Валерий Петрович вполне прилнчный товарищ, даже симпатнчный, и иужиа ему Дашнна улыбка как собаке пятая нога.

В палате было трое. Одии из иих, дедушка в очках, лежа читал газету. Димыч спал, а третнй больной осваивал костыли. Увидев посетителей, ои присел на кровать.

Один костыль грохнулся на пол, и Димыч от этого проснулся. Глаза его засияли.

— Как ты?— спросил Саня.— Болит?

— Потихоньку,— поморщился Димыч. Он будто извинялся, что застали его в таком неприглядном виде: — Да вы садитесь, ребята, садитесь.

Больница не самое подходящее место для общения, но Даша и здесь чувствовала себя как рыба в воде. Она подробно изложила всем окружающим свои взгляды на современную медицину, похвалила экстрасенсов — «представляете, тычет пальцами, а ткань сама по себе расступается»,— попутно поделилась теорией «черных дыр» в своем оригинальном толковании. Наконец спросила, настойчиво глядя на Димыча:

— Как же так вышло?

— Не знаю. Задумался сильно, а он тут как тут... из-за деревьев вылетел. Затормозить, наверное, не успел.— Димыч притронулся к свежему шву на лбу.— Останется теперь память на всю жизнь.

Саня собрался его утешить, но появилась сестра, и по ее грозному виду стало ясно, что время свидания истекло. Ребята на цыпочках двинулись к выходу.

— Сань!— позвал Димыч.— А знаешь, о чем я тогда задумался? Ну, по нашему делу.. Надо найти Соловьева, может, у него какие-то следы отыщутся?

(2) Камнегорск. Июль 1988 года

Простую вроде бы, но очень разумную вещь предложил Димыч. Соловьев — это фигура, известный краевед, все на свете знает. Он и книгу о Камнегорске написал, и в школах — нарасхват. И как это сразу не догадались к нему обратиться!

Молодец Димыч! Вот что значит получить сотрясение мозга.

Но где искать Соловьева? Через «Горсправку»?

Даша нашлась быстро: в историческом музее должны знать адрес краеведа, и оказалась права.

Дверь открыл седоголовый старик, это и был Павел Васильевич Соловьев. Он пригласил в комнату, забитую книгами. Книги были повсюду, им не хватало стен, они заняли стол, подоконники, стопками лежали на полу, забрались на кресла старинной работы.

— Ясно, что вас привело ко мне,— не спешил с ответом краевед.— Изумруды — тема благодатная, интересная. А сколько с ними тайн связано — не перечесть!

Павел Васильевич не выпускал из рук толстенную лупу.

— Не одну ночку мы с Ферсманом об изумрудах беседовали, когда он в Камнегорск приезжал. Знаете Ферсмана? Знаменитый был минералог Александр Евгеньевич, рассказывал он, как самоцветы у нас на Урале нашли.

...Крестьянин Максим Кожевников занимался смолокурением. Работа не для слабых, выкорчевать пень-чудовище, привязанное к земле десятками узловатых жил,— здоровья стоит. Но Максим силушкой не обижен, играючи управляется с многопудовыми комлями.

Не один он, многие артельщики гнали смолу для нужд казенных железоделательных заводов, да фарт подвалил одному Кожевникову. Вышел он однажды на правый берег Токовушки и ахнул: такая богатая сушина бурей повалена! Стал над ней хлопотать и наткнулся в корневище на диковинные камушки зеленого сияния.

Положил Макся камушки на ладонь — вспыхнули они на слабом солнышке, глазам невыносимо от яркого света.

Смекнул мужнк: непростые камнн, ох непростые!

Попала находка смолокура в кабниет командира Екатеринбургской гранильной фабрнкн Якова Коковина. Секундпое дело опытному горщнку самоцвет определить. Не сразу повернл себе Коковни — первый росснйский изумруд! И где? Под боком, в Монетиой даче!

Получнл удачливый крестьяннн в награду денежную премию, а командир Коковнн повел разведку в тех местах, где Максим промышлял смолокуреннем.

Первые же поискн увенчались успехом. В шурфах между речками Старицей н Полуденной разведчнкн обнаружнли александрит и зеленый турмалнн — верные спутникн «камня радостн».

Мнпуло еще несколько иедель, н погиал Коковин в Санкт-Петербург специальиого курьера с донесеннем: на Урале иайдено месторожденне изумрудов! Было это в 1831-м.

Здорово, что онн загляиулн к Соловьеву!

Но что же все-такн с саквояжем ротмнстра Вологжанина? Где искать концы?

Заметив, как переглядываются его гостн, старик недоуменно развел руками.

— Вы полагаете, что должеи быть непремеиио положнтельный ответ? Не увереи. Это легеида, красивая легенда. Я слышал ее не только от Макара Аидреевича, сам в ней пытался разобраться, ио увы... Ннкакнх серьезных доказательств. Понимаете, ии-ка-ких!

— Но ведь дед Макар своимн глазамн вндел Вологжаниил, увознвшего саквояж с нзумрудамн. И потом, была же запнска, была!

— Допустим. Это вполие правдоподобио, и не такое случалось. Но где, скажнте, зацепка? Макар Аидреевнч в свое время все Рассохн облазнл, пока нх не затопнли. А сейчас что?

— Так не всё же под водой. Может, он их с краю припрятал, Вологжанин-то?— попытался возразить Саня.

— Нет, ребята, сейчас эти изумруды и старатели не отыщут,— развел руками Соловьев.— Да никого из них и в живых нет,— вздохнул он.— А ведь я многих профессионалов фарта знал... Некоторые еще англичан застали...

— Каких англичан?— вскинулась Даша.— Ведь приисками заправляли французы, вот и Ферсман об этом пишет.

Соловьев удовлетворенно покряхтел, ему нравился разговор.

— Задело? Ну и хорошо. Что же касается книги, в которую Кузнецов записку прятал... Мы даже названия не знаем.

— Переберем все названия, где слово «Русь» есть,— решительно сказал Саня.

— Перебрали. Дальше?

Повисла тишина.

Старик привел свои доказательства.

— Прикиньте, сколько времени прошло. Две большие войны, не одно поколение людей сменилось, а книга должна уцелеть? Маловероятно. Ладно еще, полезная, редкая, а ну как грандиозный пустяк — кто за него держаться будет? Доведись до меня... Не знаю.

— Значит, не стоит заниматься этим запутанным делом?

— Почему же не стоит, очень даже стоит. Я просто вслух размышляю, привычка такая. В нашем деле главное — вера и надежда. Вот так-то, молодые люди!

(1) Камнегорск. Июль 1988 года

С рюкзаком за спиною Макар Андреевич объявился в городе, чтобы запастись пищевыми концентратами, солью, спичками. Но не это было основной целью его прихода в Камнегорск. Покончив с продовольственными проблемами, таежный дед бодрым шагом направился к телефонной будке.

Нужный номер не отвечал, и старик стал накручивать другой. Этот отозвался мгновенно, словно звонка ждали с нетерпением:

— Дежурный по управлению внутренних дел слушает...

— Мне бы Шевченко Бориса Ивановича...

— Майор Шевченко в отъезде, будет завтра.

Старик огорчился и повесил трубку. Затем спохватился и снова стал набирать номер.

— Дарья? Ты чего это взаперти?.. Дед Макар, да. Родитель твой где?.. Вот не везет...— Макар Андреевич загорюнился:— Жаль, у меня к нему дело. Оперативное. До вечера ждать не могу. Что же делать? Слушай, Дарья, а ты язык умеешь за зубами держать?.. Тогда у меня к тебе просьба. Приходи, я тут, у кино «Сатурн», в тенечке прохлаждаюсь.

Даша не заставила себя ждать, и, когда они присели на дышащую зноем даже в тени скамейку, дед Воронков доверил девочке свой секрет. Если признаться, этот секрет не вызвал у Даши особого интереса. Ну, появились на Черном болоте какие-то люди, ну, бродят с инструментом. Подумаешь, открытие! Почему об этом непременно нужно ставить в известность милицию?

Даша ждала, что Макар Андреевич по крайней мере наткнулся на след ротмистра Вологжанина. Но этого не произошло, а раз так, то...

Но разочарование проходило, так как старик признался, что эту новость ждет майор Шевченко, и, кроме Даши и ее отца, Макар Андреевич никому не может перепоручить свое оперативное дело.

Если хорошенько разобраться, что-то в этом сообщении было. Уж не те ли «старатели» кружат в Черном болоте, которых спугнули в Нечаевском логу Саня и Димыч?

— Так передашь Борису Ивановичу?— поднялся дед Воронков и привычным движением набросил на плечи выцветший рюкзак.

— Передам, дедушка,— поспешно заверила Даша.— Непременно передам.

Ну в самом деле, не станет же Макар Андреевич по пустякам в милицию обращаться.

(2) Выселки. Июль 1988 года

На окраине Выселок пылал костер. Вокруг него расположились несколько человек. Отблески огня прыгали по лицам, выхватывая их из темноты.

На охотников эти люди не походили — ни ружей, ни фантастических воспоминаний о былых трофеях. Рыбаки? И намека нет на снасти. Скорей всего, туристы, уставшие от дневного перехода.

Две светящиеся точки замигали в той стороне, куда смотрели туристы. Там, на дороге, ведущей от кирпичного завода, точки постепенно увеличивались в размере, и становилось ясно, что это автомобильные фары. Сонная дрема ожидания слетела с ночных обитателей Выселок.

Из темной легковушки вынырнул высокий человек в белой рубашке. Уверенная походка подсказывала, что заскочил он не на огонек, как это бывает в долгой доро-

ге, а приехал специально, зная, что его ждут. Приезжий негромко спросил:

— Все в порядке?

— Как полагается, шеф.

Шеф вошел в полосу света и поочередно подал руку дожидавшимся его людям.

— Большой огонь развели,— недовольно сказал он,— от завода видать. С вашей конспирацией прогореть недолго. В такую сушь можно и фонариком обойтись. Искры хватит, чтоб постройки занялись.

— Кому они нужны!— фыркнул ломающийся голос.

— Мне!— сердито отрезал человек, которого назвали шефом.— И запомните это, сынки, раз и навсегда. Товар доставили?

— Товар с нами, но...

— Что «но»? Вы мое правило знаете, за кота в мешке я деньги не плачу. Только после оценки. К слову, вы должны знать, зелень из Сухой балки уступает качеством товару Нечаевского лога. Сами виноваты, если бы действовали с оглядкой, могли бы еще недельку порыскать в пещере.

— Могли бы,— отозвался тот, что вел разговор,— неприятностей не хочется. Был мешок со сланцем, стал мешок пустым. Нет, дальше там работать было нельзя.

Шеф хохотнул:

— Разумно, беру свои слова назад. Слышу голос не мальчика, но мужа. И все-таки... Это все ваши проблемы, решайте их сами. Мне нужен товар, вам нужны деньги. Так?

— Так.

— А теперь гоните товар, деньги привезу в следующий раз.

— Да уж чего там,— согласился старший,— мы слово держим.

Он передал владельцу легковушки что-то вроде пакета, и тот без промедления вернулся за руль.

— Уберетесь, когда догорит костер, не раньше.

Легковушка тронулась, и продавцы товара вслух и без стеснения стали проклинать уехавшего шефа, но ослушаться не решились.

Не скоро еще Выселки погрузились в полную тьму.

СИГНАЛ ИЗ НЕБЫТИЯ

(1) Камнегорск. Август 1988 года

Итак, позарез нужна книга, в названии которой есть слово «Русь».

Несмотря на серьезные сомнения краеведа Соловьева, Саня Ладыгин продолжал верить в существование этой книги и, больше того, спал и видел, как находит ее. Вот она попадает ему в руки, и он, вызывая Дашин восторг, с невозмутимым спокойствием на лице, подобно фокуснику, ловко вытаскивает записку гвардейского ротмистра. И тут, конечно, открывалась старая тайна. Ротмистр, допустим, сообщал Розерту следующее: саквояж с изумрудами спрятан в Нечаевской пещере, вот вам, Эрик Иоганнович, верные координаты. Или же на Макаровом озере. Впрочем, озера тогда еще не было...

Далеко уносился Саня в мечтах, а наяву дела были более чем скромными.

Ребята открыли для себя в городе массу интереснейших вещей. Например, 39-томную «Русскую историческую библиотеку», изданную археографической комиссией в 1872—1927 годах, комплекты журналов «Русская мысль», «Русский архив», «Русское богатство». Выходила в прош-

лом веке и газета «Русь». Удалось подержать в руках карамзинскую «Историю государства Российского». Но все это было не то, что требовалось.

А после неудачной поездки в Свердловск Саня запсиховал. Ну о какой записке может идти речь, когда ищешь то, не знаешь что?!

Хорошо, что позвонил Соловьев, голос у него был таинственный:

— У меня кое-что есть интересненькое...

— Нашлась «Русь»?— взвился Саня от нетерпения.

— Чего нет, того нет, а вот про англичан поговорить можем. Была здесь английская компания.

Известие об англичанах, по правде говоря, мало что давало Сане. Ну были они до французов, что из того? Краевед уловил это и рассмеялся.

— Экий ты нетерпеливый! Да не горюй, не горюй... Наше дело такое — ошибаться, попадать впросак и снова искать.

Саня печально вздохнул.

— Ну что ж, давайте поговорим про англичан.

Даша, вернувшаяся из очередного обхода библиофилов, застала Саню в полном отчаянии. «Мы,— уверял он,— окончательно зашли в тупик, может, напрасна вся эта затея?»

Даша укорила:

— Что, трудностей испугался? Прав Соловьев, надо искать. Макар Андреевич сквозь недоверие и насмешки прошел, а не сдался.

Была она, как никогда, серьезна, даже чуточку сердита. И усомнившийся было в успехе Санька, отогнав минутную слабость, с головой ушел в «Занимательную минералогию» Ферсмана, относившего изумруд, самый яркий, благородный и редкий среди самоцветов камень-смарагд, к драгоценностям первого порядка: алмазам и сапфирам.

(2) Камнегорск. Август 1988 года

— Сейчас мы навестим моего знакомого,— сказал при встрече неунывающий Соловьев.— Он, правда, в санатории, но его внук, любезный молодой человек, вызвался помочь нам.

«Любезным молодым человеком» оказался Митрий. Он остолбенел, разглядев за спиной Павла Васильевича своих одноклассников. «Что происходит?»— читалось в его глазах.

Выяснив, что ребята давно знакомы, Павел Васильевич приступил к делу, ради которого они заявились в этот огромный девятиэтажный дом, который за размеры и белизну называли в городе теплоходом.

— Тэк-с,— с удовольствием начал он,— значит, говорите, французы? И никаких англичан? Ну, ну...

Павел Васильевич довольно потирал руки, словно собирался на радостях закусить юными друзьями, то и дело бросая хитрый взгляд на раскрытую книгу внушительных размеров.

— Читай, Саня,— ткнул пальцем в левую страницу под номером 1314.— Вот здесь, в разделе «Пермская губерния».

Ага... «Пермская губерния, Екатеринбургский уезд...» Так. Не то... Не то... Есть! «Добыча изумрудов. Новая компания изумрудов. Английское акционерное общество...»

Саня прочел эти строки вслух.

— Ну-ка, покажи!— Даша хотела придвинуть книгу к себе, но просчиталась. Тяжелый, как кирпич, фолиант сорвался со стола. Послышался резкий треск, так с силой рвется плотная ткань, и в руках Даши остался только переплет.

Ребята испуганно замерли, а Павел Васильевич схватился за сердце, пораженный святотатством. Про Митрия и говорить нечего — он просто обалдел.

Саня стал проваливаться сквозь пол: хороши гостеньки, какой погром учинили! И когда провалился наполовину, увидел на ковре смятый клочок бумаги. Наверное, от страницы обрывок. Как робот, он медленно поднял его и протянул Соловьеву, а сам принялся всовывать книгу в переплет, ощетиненный засохшим клеем и суровыми нитками.

И вдруг грянул гром.

Нет, это был не гром, скорее, землетрясение.

Павел Васильевич издал вопль, словно мальчишка, обнаруживший на свалке альбом с марками прошлого столетия.

— Нашлась! Нашлась, миленькая!

Это надо было видеть! Почтенный старец бегал по комнате с той бумажкой, что Саня поднял с ковра. Глаза его светились, а руки дрожали. Безумие Соловьева было скоротечным. Он опомнился и затих, озирая всех счастливым взглядом.

— Вот он, аргумент в пользу Воронкова. Слушайте: «Господину Розерту. Второй вариант...» А дальше, вот чертовщина, не разберу...

— Дайте мне,— протянула руку Даша и, с трудом переводя дыхание, прочла окончание, которого не знала ни одна душа в мире:

— Rassokhi. Pin á deux troncs. Roche blanche.

— Перевод?— потребовали в голос Соловьев и Саня.

— Сейчас, сейчас,— девочка замешкалась, подыскивая нужные слова.— Ну, Рассохи — это понятно... Так... Не соображу, как поточнее передать...

Она долго глядела в потолок, шевелила губами. Наконец объявила:

— Рассохи. Двойная сосна. Белый валун.

— И все?!
— Все...
— Вот так фокус!— Павел Васильевич засуетился, притянул к себе ребят:— Поздравляю!
Ничего не понимающий Митрий, как гончая, напавшая на след, жадно втягивал воздух.
— Да объясните же, что происходит?
Саня все еще держал искалеченный том. На линялой красной ткани переплета не без труда можно было прочесть крупный заголовок: «Вся Россия».
Теперь недоумевал Соловьев.
— Это адресная книга Суворина на 1903 год. Теперь уже редкая вещь,— с легкой завистью сказал Соловьев. — Я бы за нее дорого дал.
— А как она к вам попала?— спросила Митрия Даша.
Тот, польщенный общим вниманием, не заставил себя долго ждать. Эту книгу его дедушка выменял в Свердловске на толкучке, возвращаясь с фронта. Отдал копченую колбасу из последнего офицерского пайка.
— Но имейте в виду,— продолжал Митрий ковать железо,— ему будет неприятно узнать, какой участи вы подвергли «Всю Россию», он ее очень ценит. Я готов привести книгу в порядок, если...

(3) Камнегорск. Август 1988 года

Фортуна подмигнула одним глазком.
Даже Митрий ошалел от находки, хотя палец о палец не ударил, чтобы пролить свет на тайну ротмистра Вологжанина. Но ведь это в его доме столько лет хранилась записка из восемнадцатого года, и Митрий узнал все то, что знали остальные участники этой истории. Он и предложил тотчас же отправиться к деду Макару и...
Но Соловьев быстренько охладил возбужденных ре-

бят: на месте былых Рассох раскинулось водохранилище ГРЭС, так что спешить, получается, некуда.

Митрий провел беспокойную ночь. Чуть свет он поднял Саню с постели, полный желания немедленно приступить к поиску клада.

Заспанный, Саня не сразу понял, чего добивается от него взбудораженный Митрий, и, позевывая, соображал, куда направить его энергию. И нашел ей достойное применение.

— Да, откладывать не стоит. В первую очередь необходимо известить о записке деда Макара. Правильно?

Митрий с готовностью закивал.

— Правильно! Давай ее, я мигом смотаюсь на озеро...

— А Димыч?— возразил Саня.

— Какой Димыч?

Действительно, какой? Пришлось Сане заочно познакомить Митрия со своим другом, которому пришла в голову мысль посоветоваться с Павлом Васильевичем.

— Теперь ты понимаешь, если бы не он, мы бы на тебя не вышли и записка ротмистра пролежала бы в книге еще тысячу лет.

— Ты хочешь сказать, что записку надо сначала показать ему?— обиделся Митрий.

— Ну да, это же лучше всякого лекарства. А вдруг его сегодня и выпишут? Давай навестим его, а потом уж на озеро.

Энтузиазм в Митрии угасал, это было видно по его вялому лицу, отсутствующему взгляду. И Саня подстегнул самолюбие одноклассника.

— Хорошо, давай сделаем так. Ты идешь к Макару Андреевичу прямо сейчас, увидишь, как он обрадуется сообщению. Подумай, ты будешь первым, кто принесет долгожданную весть. Он этого дня семьдесят лет ждал. Ну?

Он попал в точку. Митрий страсть как любил быть первым.

(1) Макарово озеро. Август 1988 года

Остались позади Никитское кладбище, кирпичный завод. По левую руку высились отвалы, опоясывающие Нечаевский лог. Саня, чтобы сократить дорогу, жался ближе к Большому Створу.

Еще издалека услышал он хлюпающие звуки.

На озере были чужие: двое в дедовой лодке ботали длинными жердями, пугая рыбу, а озеро перегорожено сетью.

«Да это же те, налетчики!»— сообразил Саня.

Ни деда Макара, ни Митрия на берегу не было. Зато у костра лежал Дылда. Уже знакомое чувство опасности заставило Саню остановиться. Но Дылда не выказал воинствениости, изобразил на мятой физиономии подобие улыбки и широким жестом пригласил к костру:

— Садись, пионерчик, гостем будешь.

Нашелся хозяин! А где же дед Макар? Саня осмотрелся. Дылда проследил за его взглядом и небрежно сказал:

— Отдыхают.

И точно не соглашаясь с этим объяснением, из сторожки донесся голос старика:

— Александр, беги! Не верь этим бандитам!

Дверь в сторожку была подперта огромным колом.

Дылда с ленцой шевельнулся.

— Паникует ветеран. Что стар, что млад — одинаково ума нет. Мы по-хорошему, а они хай подняли, пришлось изолировать от общества. Ты, надеюсь, туда не хочешь?

Не слушая его излияний, Санька бросился к избушке, но Дылда неожиданно ловко выдвинул на пути тяжелую ногу.

— Чо он там ерепенится?— закричали с лодки.— Не нравится, дай ему как следует.

Заломив Сане руки за спину, Дылда повалил его наземь и стал поучать.

— Жить надо спокойно, не спеша, нервные клетки не восстанавливаются. А ты человек нервный, это я еще в прошлый раз заметил. Лечиться надо в дурдоме. Я тебе, как другу: посиди, побеседуем, а ты...

Саня задыхался от гнева и бессилия.

А Митрий кричал из амбразуры окошка:

— Санька! Не связывайся с ними!

«Советчик отыскался!»— мысленно огрызнулся Саня. Если бы Димыча еще на день не задержали в больнице, они бы им показали.

Вспомнив о Димыче, Саня собрал все силы.

А Дылда продолжал поучать:

— Дурашка, ты думаешь, сейчас явится дяденька мент и выручит вашу компанию. А фигу не видел? Возьму вот и ножичком по шейке чирикну — и салют мальчишу. Потом в избенку закрою и полбака бензина не пожалею. Никакая экспертиза не определит, почему сгорели. А все потому, что ты гордец и эгоист, без нас хочешь клад откопать. Жадность, она фраера губит, запомни. Но если записочку отдашь, отпущу, так и быть.

Такой яростной прыти от поверженного мальчишки Дылда явно не ожидал. Проутюжив костер, он отлетел в сторону и зашелся дурным голосом.

Победоносному Сане уже мнилось, что Дылда трусливо покинул поле боя, но он выдавал желаемое за действительное. Противник вскочил и с остервенением пустил в ход свои лапы.

Подбежали еще двое...

(2) Макарово озеро. Август 1988 года

Они стянули ему руки его же ремнем и бросили у костра. Сели рядышком, дыша, как загнанные лошади. Бесцеремонный Хорек ловко вывернул Санины карманы и расстроился, ничего не обнаружив.

— Хоть бы чирик заныкал!

— В рубашке посмотри,— прохрипел Лысый, прикладывая мокрый платок к фингалу под глазом,— успел-таки лягнуть Саня предводителя, когда они всем скопом навалились на него.

Хорек запустил руку в нагрудный карман, и личико его расплылось в ухмылке: записка ротмистра оказалась у него. Он шевелил губами, пытаясь проникнуть в загадочный текст...

— Отдай, гад!

— Сичас,— издевательски протянул в ответ Хорек и передал записку Лысому. Тот пробежал ее глазами и сказал:

— Ничего, шеф разберется, он у нас полиглот, он эту ахинею на чирики переведет.

Они дружно загоготали.

— Ну и сволочь ты!— Саня не узнал свой голос.

— Это я-то?— обиделся Лысый.— Нет, дружок, это ты сволочь. Ты же чуть троих человек не убил. Страшно сказать, завтрашних строителей коммунизма...

Из сторожки по-прежнему доносились голоса и шум. Это узники рвались на волю.

Лысый входил в раж:

— А сейчас водные процедуры, чтобы на людей не кидался. Заодно и остынешь.

Они совали Саню головой в воду и держали там, навалившись двумя тушами и одним хлипким тельцем. Вытаскивали и, только набирал воздуха в легкие, снова топили.

Уже теряя сознаиие, ои ощутил, что на него никто не давит. Выполз на берег, и только тогда до иего дошел ослабевшим эхом звук выстрела.

Дед Макар высовывался из пролома в тесовой крыше с двустволкой в руках.

— Записку!— потребовал старик.

Лысый лихорадочно извлек из куртки записку и положил иа траву.

— А теперь бегом арш!

Дылда и Лысый мигом оседлали «Явы», а у Хорька ие ладилось с мотором. Ои повизгивал от страха и не мог отвести глаз от ружья, иацелившегося в него двумя темными, бездоииыми зрачками.

Но вот мотор фыркнул, и Хорек резво покатил мотоцикл, забыв, что иадо прыгать в седло и жать на газ.

Всю иемалую браконьерскую добычу Макар Аидреевич выпустил в озеро, поминая недобрым словом заезжих варваров.

Саня зализывал раны. Митрий старался не глядеть иа иего, ио отвечать пришлось. Макар Аидреевич сочувственно покашливал, слушая, как оправдывается мальчишка.

— Послал ты меня иа озеро... А тут они, значит. Думаю, может, подвезут, иу и иапросился...

Узнав, что Митрий спешит к деду Макару, мотобанда прииялась насмехаться иад стариком. Особеиио старался Хорек, ои и назвал Макара Андреевича придурочным Робиизоиом. Тогда, чтобы поднять авторитет деда, Митрий обмолвился о записке с координатами тайника. Мотоциклисты перегляиулись и, прихватив пассажира, двинулись иа стоянку Макара Андреевича.

— Да полио, Алексаидр!— не выдержал Макар Андреевич.— Кто об этом кладе ие зиает. Все одио записка-то у иас, просчитались молодчики.— И, помолчав, сказал дрогиувшим голосом:— Даже и ие верится, что в руках ее держу. Сколько годов-то прошло...

(1) Камнегорск. Август 1988 года

Мнтрий человек легкий. О происшествин на Макаровом озере он старался ие думать, а еслн и вспомниал, то рисовал себя чуть лн ие героем. А что, не его вииа, что так все вышло. Не засуиь его мафня под замок, ои бы им задал! Уж он-то не сплоховал бы, как Санька.

Возвращался Мнтрий нз кино. Японский фильм вселил в иего боевой пыл. «И-я!»— мыслеино орал Митрий, и падали перед инм как подкошеиные все известные ему мафнозн Камиегорска и окрестностей.

«И-я!»— резвнлся смелый Мнтрнй, загадочио поглядывая иа окружающнх, которые н ие подозревали о его иевндаииой силе н каратнстскнх прнемчнках. И вдруг...

В пятн шагах он иего на лавочке сидел Хорек. Был он на этот раз без мотоцнкла, ио в том же рокерском кожанчике.

Хорек улыбался, словио увидел лучшего друга.

Огляиувшись иа всякий случай н ннчего подозрнтельиого ие обиаружив, Митрий напрягся н отступил назад.

— А я тебя жду, жду...— Хорек был необычайно вежлнв.— Дело есть на мнллнои рублей.

— Ну?— набычился Мнтрнй, готовый в любой момент задать стрекача.

— Не пужайся, я без подвоха,— сказал Хорек. Его остреиький взгляд ощупал Митрия с иог до головы, как бы проверяя, стонт лн иачниать разговор.

— Чнрик хочешь?

Митрий вспыхнул:

— Не продаюсь!

И столько в голосе его было благородного негодования, что Хорек обронил улыбку.

— А я не покупаю и нищим не подаю. Денежку надо зарабатывать. У тебя есть такая возможность, можешь получить не один чирик.

Митрий расслабился.

— Что это за возможность?

Поднявшись, Хорек вытащил руки из карманов, и Митрий с опаской отодвинулся.

— Э, да ты боишься,— с презрительным удовлетворением отметил Хорек.

— Чего мне бояться, я ничего не боюсь,— пробормотал скороговоркой Митрий, только что валивший с ног воображаемых противников.

— Так-то лучше. Пошли?

(2) Камнегорск. Август 1988 года

В последние дни у Даши установился прочный контакт с Павлом Васильевичем Соловьевым. Началось с того, что Соловьев попросил ее отнести на почту заказное письмо.

Отправить письмо Даше не составило труда, тем более что краевед не утаил его содержания. Он адресовал в Москву подробную информацию о зарытых на дне Рассохинского водохранилища сокровищах и предлагал начать их поиск. Девочка ни на минуту не сомневалась в том, что большое начальство заинтересуется этим предложением.

А сейчас она бежала из аптеки: Соловьев прихворнул, и Даша торопилась доставить ему лекарство.

Из утонувшего в купах деревьев городского сада долетал рассыпчатый смех, заглушаемый музыкой. Радужные струи фонтанов притягивали к себе детей и взрослых. Даша пронеслась бы мимо, если бы краешком глаза не засекла полосатую футболку Митрия, что мелькнула на главиой аллее.

То, что произошло дальше, заставило Дашу забыть обо всем иа свете. Митрий был не один, с ним, жестикулируя и улыбаясь, шествовал Хорек. О, этого омерзительиого типа оиа узнала бы среди множества людей!

Хорек обнимал Митрия за плечо и, изогнувшись, что-то иашептывал ему в ухо. Они направлялись к скамейке, упрятаииой в глубину аккуратно постриженного кустарника, где стоял бездействующий фаиерный киоск «Мороженое».

Невозможно было поверить, что вчерашиие враги могли так мило улыбаться друг другу.

Но это был факт.

Оиа не могла уйти из сада, не выясиив причину столь страиной связи одиоклассиика, которому доверена большая тайиа, с заклятым врагом, жаждущим похитить автограф ротмистра Вологжаиина.

Крадучись, Даша обогнула опасиое место и, юркнув в полутемный закуток киоска, прижалась к тонкой стенке, прислушалась.

С той стороны доиосился неясный разговор, но слова разобрать было невозможио — так шумит вода, ровио, спокойно, умиротворяюще.

Даша сгорала от любопытства и тревоги.

Диалог, который оиа безуспешно пыталась уловить, между тем продолжался.

— ...лабуда все это — учеба, диплом, карьера. Ты зиаешь, сколько инжеиер получает? То-то же. Мою «Яву» видел? Мне бы на иее век не скопить, а я ее за месячишко сделал.

— А разве можно так?
— Ну ты даешь! Я, по-твоему, ворую, что ли?
— А чего тогда милиции боишься?
— Не боюсь, но остерегаюсь. Есть разница?.. Вот идешь ты по дороге, а под ногами деньги валяются. Что сделаешь?
— Конечно, подниму.
— Вот и мы поднимаем. Можно сказать, санитары природы. От нас никто не страдает. Слышал, государство — это мы? Мы тоже государство. Ну ладно, заболтался я с тобой. Еще будет время разобраться, что такое хорошо, что такое плохо. А ты про субботу не забудь...
— Не забуду.
— И учти, копия не нужна, шеф платит только за оригинал. Он у нас романтик, обожает старину всякую. Не случайно и свидание назначил у черта на куличках.
— Но при условии...
— Будь спок, только посмотрит и вернет.

(3) Камнегорск. Август 1988 года

Так ничего и не услышавшая, Даша решилась на отчаянный шаг.

Сейчас же вылезет из киоска, подойдет к Митрию и прямо посмотрит ему в глаза. Если Митрий в замешательстве отведет взгляд, значит, он встал на путь предательства. Если обрадуется?.. Если обрадуется, возможно, Хорек запугивает его.

Разгоряченная собственной смелостью, Даша вышла из укрытия и растерялась. На скамейке никого не было.

И опять выручила приметная футболка Митрия.

Сосредоточенный на своих мыслях, Митрий витал где-то в облаках, не замечая вокруг людей, и Даша переду-

мала подходить к нему. Теперь, в отсутствие Хорька, он не годится для ее психологического эксперимента.

Пристроившись в хвост Митрию, она проводила его до автовокзала; пользуясь наплывом пассажиров, незаметно оказалась у окошка с надписью «Справки» и, прячась за чужими спинами, навострила уши.

— Скажите, пожалуйста,— обратился Митрий к дежурной,— как добраться до Выселок?

— На грэсовском автобусе, остановка Никитское кладбище...

Лицо Митрия вытянулось.

— Но ведь оттуда идти да идти...

— Не задерживайте очередь, молодой человек,— отмахнулась дежурная,— маршрутные автобусы до Выселок не ходят.

Недовольный Митрий долго изучал расписание. Пользуясь этим, Даша выскользнула за дверь и направилась к Соловьеву, который, должно быть, заждался ее.

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

(1) Камнегорск. Август 1988 года

Да бросьте вы, никаких улик против Митрия нет,— стоял на своем Димыч,— одни подозрения...

— Скажи еще, выдумки,— не сдавалась Даша.— Тогда чего же он вдруг засобирался в пустынные Выселки? И как раз, заметь, после встречи с Хорьком... Они о чем-то договорились.

— А что Выселки? Там грибные места, я давно их знаю. И вообще, что это мы все вокруг да около? Да-

вайте спросим его самого, мол, так и так,— предложил Димыч, поглаживая подживающий шрам на лбу.

— Нет,— возразил Саня,— ты просто не знаешь Митрия. Он же как кардинал Ришелье — даст вполне убедительный ответ, а мы так ничего и не узнаем.

Обсуждение ситуации затянулось, а четких выводов не было сделано.

И тут появился Митрий. Сам, собственной персоной. Легок на помине! Митрий как ни в чем не бывало дружески улыбался. Аккуратный, деловитый, он всем своим видом словно бы опровергал нависшие над ним подозрения.

— Мадам! Мсье!— последовал шутливый поклон.— Я ненадолго задержу ваше внимание, если вы соблаговолите меня выслушать.

Интересно, что он выкинет?

— А вы уверены, что записка Вологжанина не подделка? Я такой возможности не исключаю, поэтому предлагаю провести экспертизу. Ничего сложного в этом нет, нам поможет моя тетка Вера, в субботу она будет здесь, и наш дом...

Димычу еще не приходилось присутствовать при вдохновенных выступлениях Митрия, и он заслушался. А Саня с Дашей были непроницаемы.

Тетка Митрия когда-то училась в той школе, где теперь продолжил ее славу, славу медалистки, племянник. В школьном музее среди фотографий выпускников, которыми гордились преподаватели, экспонировался и портрет Митриевой тетки, профессора, доктора исторических наук, крупного специалиста в области архивных изысканий.

— Пользуйтесь случаем, мадам, мсье,— горячо закончил Митрий,— проигравших не будет, победит дружба.

И он опять отвесил поклон.

Ребята молчали.

— Смотрите, вам видней,— скис Митрий.— Я как лучше хотел. Точность в любом деле нужна, а здесь тем более. Ну думайте...

Митрий ушел не простившись.

— Напрасно мы обидели его,— высказался, ни к кому не обращаясь, Димыч.— Точность не помешала бы.

— Точность? Какая точность?!— откликнулась Даша.— Макар Андреевич не сомневается в записке, вот уж кому по правде видней. А Митрий что-то крутит.

Саня не вникал в спор. Он размышлял вслух:

— Замечательно, что Вера Степановна приезжает в субботу. Дело за малым. Следует проверить, готовы ли горячо любимые родственники к встрече.— Саня набрал номер телефона.— Квартира Дмитриевых?.. Добрый день. Вас из школьного музея беспокоят... Нет, тоже на каникулах, но уже пора оформлять экспозицию к учебному году. Мы посвящаем отдельный стенд Вере Степановне... Может быть, вы что-нибудь новое расскажете? Что? Сама расскажет?— Саня скосил глаза на притихших ребят.— А когда? Спасибо. Не подведем... Только, пожалуйста, ни слова вашему внуку об этом звонке... Ну да, сами понимаете, сюрприз...

— Ты что, рехнулся?!— встревожилась Даша.— Это же обман, фу, как стыдно!

— Ну, положим, музей нам спасибо скажет за ценную информацию,— невозмутимо проговорил Саня.— Важно другое. Тетка Вера приезжает, это правда, но в сентябре. Что скажете, а?

— Вот жук, а как красиво врал!— беззлобно рассмеялся Димыч и передразнил Митрия: «В эту субботу наш дом имеет честь...»

— А я что говорила!— Даша торжествовала.— Крутит Хитрый Митрий.

— Крутит, да еще как. Я думаю, Даша права, они как-то связаны между собой — Хорек, Выселки, записка, вранье Митрня. Еслн так, Митрнй...— Саня не стал продолжать, но все догадалнсь, что ои подразумевал.

— А по-моему, это случайиость,— возразил Димыч.

Тут уж взвинтилась Даша:

— Как-то странно получается. Тебя чуть не убили — случайность, Митрнй с Хорьком целуется — не стонт вннмания. Так, что ли?

— Да иет, я ничего,— примирительно сказал Димыч.— Значит, правильио, что не отдали ему послаиие Вологжанина.

— Правильно, но не совсем. Я, кажется, что-то придумал.— Саня посмотрел на девочку:— Ты вроде бы свой человек в милиции...

— Скажешь тоже. Была я там по просьбе Макара Андреевича, познакомилась с одним майором... Его фамилия Шевчеико, а вот имя-отчество забыла...

— Борис Ивановнч,— подсказал Саня.

— Точно,— удивнлась Даша.— А ты откуда знаешь?

— Приснилось,— загадочно ответил Саня.— Так вот, иам надо срочно повидаться с Борисом Ивановичем.

— Я могу позвонить.

— Хорошо бы... Хотя дед Макар говорил, что там не верилн его рассказу.

— Ну н что? Теперь у нас на руках записка ротмистра.

(2) Камнегорск. Август 1988 года

Шевченко согласился «подышать свежим воздухом». Новость из бурной жизни младшего поколения увлекла его больше, чем ожидали ребята. Он переспрашивал, уточнял детали, особенно интересовался мотобандой.

Как-то так получилось, что Саня рассказал и о том, как они с Димычем лазили в пещеру Нечаевского лога.

— А люди, которых вы встретили в пещере, вам больше не попадались?— спросил майор.

Саня замялся, и в разговор вступил Димыч:

— Знаете, разглядеть было трудно, там темнота, хоть глаз коли. Но вот голос одного из них... Он такой, как бы вам сказать, как у физрука нашего, когда он команды подает.

— Повелительный?

— Точно. Еще этот человек любит употреблять слово «хорош».

— Стой!— вмешался Саня.— Так это же Лысый! И ты молчал?!

Димыч притих.

— Смотри-ка,— Шевченко, похоже, остался доволен,— а вы, ребята, наблюдательный народ. Ну, а какие-то имена, адреса они называли?

— Ничего такого не слышал,— покачал головой Саня,— вот разве...

И он рассказал, как Лысый упомянул шефа-полиглота.

Спокойный Шевченко, оказалось, может и волноваться.

— Как? Как?

Саня повторил слова Лысого.

Странно, но майор чему-то улыбался. Ребята переглянулись: может быть, сейчас рождался план поимки главаря каменогорской банды.

— Ну что ж,— заключил Шевченко. Я вас внимательно выслушал, теперь послушайте меня. Митрию надо помочь.

— Помочь?!— молчавшая до сих пор Даша съехидничала:— Пригласить его на совет дружины и всыпать по первое число?

— Может быть.— Шевченко не шутил.— Это дело ваше, но я не о том. Надо помочь ему с запиской.

— Зачем?!— не понял Саия.

— Не кипятнсь, сыщик,— осадил его Борис Иваиович.— Это тактический ход. Митрнй что? Ои пешка в чужой нгре. А кто игру затеял? Мне, например, хочется позиакомнться с этим шефом-полиглотом.

Даша захлопала в ладоши:

— Западня? Гениальио придумаио!

— Только с Митрием осторожио. Чтоб не догадался,— иапутствовал ребят Шевчеико.

(3) Камнегорск. Август 1988 года

Вериувшись к себе, начальиик ОБХСС задумался. Год назад они обезвредили группу добытчнков изумрудиого сырья, н вот сиова кто-то безобразничает в окрестностях Камнегорска.

А тут еще история с драгоцениостями Вологжанина. Впрочем, оиа, коиечно же, чушь, детское баловство. Покойиый ротмистр мог без зазреиия совести ввести в заблуждеине своего компаньоиа, а если и нет, то ищи-свищи тайиик на дие Рассох, а это тридцать квадратных километров.

«Чушь,— свел воедиио мысли Шевченко.— А вот что записка иашлась — хорошо».

Это хорошо, что оиа иашлась, став приманкой, на которую польстилась крупиая рыба. Кто? Обух? Этот воротила сибирскую тайгу рубит. Крайнев? Тоже в зоне. В прошлом году миогие любители драгоценных камней против своего желаиия отправились из уютных квартир на казениые иары. Миогие, но ие все. Тот же Витковский. Он поплатился коллекцией, дороговатой коллекцией, но остался на свободе. Нет, ои ие щука, так себе, окунек... Хотя...

Витковский, Витковский... При последней встрече он торжественно обещал, что «гражданин начальник еще услышит о нем добрую славу». Думалось тогда: мужик серьезный, раскаивается искренне. Но таких клятв на своем веку он, Шевченко, наслушался вдосталь...

Да, если бы не объявившаяся вдруг таинственная, всегда казавшаяся мифической записка ротмистра Вологжанина да не ребячья вера в изумрудный клад, пришлось бы повозиться с новоявленными «рыцарями фарта» из Нечаевского лога и с их осторожным шефом. Шевченко хмыкнул: повезло, помощники у него что надо. Только как бы их, дьяволят, отвлечь от операции задержания. Они так и рвутся в бой, как бы дров не наломали.

СУББОТНИЕ СЦЕНЫ

(1) Выселки. Август 1988 года

В субботу, ближе к полудню, Митрий серой мышкой выскользнул из подъезда и, постоянно озираясь, прячась во дворах, прошмыгнул к автовокзалу. Вчера он получил записку, обошлось без уламывания. Выходит, пламенная речуга сыграла свою роль.

Вручая ему бумажку, Ладыгин строго сказал:

— А ты не боишься? Если мотобанда узнает, что записка у тебя...

И он, Митрий, не моргнув глазом, бодро, по-геройски ответил:

— Скажешь тоже, так я и дался...

И все-таки приходилось держать ушки на макушке. А вдруг додумаются следить за ним.

Митрий не знал, что осторожничал напрасно. Тех, кого он опасался встретить, с утра не было в городе. По

версии для Бориса Ивановича, они отправились на Макарово озеро, как он того и хотел: будут под присмотром деда Макара.

Однако, обогнув таежное озеро, ребята устремились к Выселкам.

И теперь терпеливо ожидали событий, облюбовав местечко для наблюдения в скопище дикой малины на окраине заброшенного старательского поселка.

Отсюда хорошо просматривалась разбитая лесная дорога. Наверное, она была точно такой же, как во времена ротмистра Вологжанина. Только теперь по ней ездили на современных машинах, а не на лошадях.

Как на ладони и покосившиеся, полуразрушенные избы Выселок. Наиболее уцелевшая из них выбрела к самой дороге и присела среди бурьяна и здоровенных камней.

— Сань, а Сань,— беспокоилась Даша,— вдруг они совсем не появятся?

Саня сердито покосился на нее. Впервые в жизни ему захотелось накричать на Дашу, потому что она прочла его тайную мысль, а эта мысль и ему не давала покоя.

— Появятся, куда им деться. Им Митрий во как необходим. Как бы наши не опоздали.

«Наши»— это, каждый понимал, Борис Иванович с милицейской группой.

— Тише!— прошипел Димыч.— Хватит болтать!— И, точно по его команде, из-за поворота показались мотоциклисты.

Они приближались. Один из этих круглоголовых, Саня был твердо уверен в этом, сбил Димыча. «Ладно,— стиснул он зубы,— допрыгаетесь...»

Круто развернувшись у крайней избы, Лысый установил «Яву» на подножку и, смачно сплюнув, взобрался на камень, почерневший от дыма раскладываемых у его

подножия кострищ. Он ловким щелчком вышиб из пачки сигарету и, прикурив от зажигалки, затянулся.

Остальные последовали примеру вожака. Сидели, перебрасывались шуточками, оглядывая дорогу.

Саня вдруг представил, как их обнаружат, и мурашки холодно забегали по спине. Додумать не успел — к Выселкам рысью приближался Хитрый Митрий, весь распаренный, взмыленный.

— Смотри, торопится продать подороже,— вырвалось у Даши, и она испуганно прикрыла ладошкой рот.

Завидев Митрия, парни повеселели, сбились в кружок.

Хорек, как высокая договаривающаяся сторона, после обмена рукопожатиями спросил:

— Принес?

Митрий потянулся в карман, но Хорек остановил его. Записка нужна не ему, важен факт, что она есть.

В разговор вступил Лысый:

— Ментов не привел?

— Не маленький,— осклабился Митрий.— Я же по лесу пробирался.

— Молодец! А что видел?

Митрий задумался, переминаясь с ноги на ногу, затем радостно выпалил:

— На своротке с кирпичного «Жигуль» стоит. Водитель под машиной возится... А так ничего особенного.

Парни насторожились.

— Какого цвета машина?

— Желтого.

— Номер не приметил: наш или свердловский?

Хитрый Митрий растерялся.

— А надо было?

Так и напрашивался новенький на хорошую плюху, и Лысый едва превозмог желание проучить его.

— В следующий раз такой ответ не пролезет. Мы

тут как в разведке, глаз да ушн — основа жнзнн. Понял?

Мнтрий закивал.

— Набирайся ума-разума. Шеф говорит, что нз тебя еще можно человека сделать. А вот твои соратничкн... Как там черномазый поживает? Слышали, что нездоров он. Да, не повезло.

При этих словах Хорек задергался как марнонетка, ио Лысый так полосиул его взглядом, что тот съежился и притих.

— Ну, хорош,— подвел первые итоги Лысый.— Пока шеф конспирацию блюдет, мы тебя проинструктируем. Айда!

Мнтрий послушио поплелся за иими в избу.

(2) Выселкн. Август 1988 года

— Спектакль продолжается,— прокомментировал Саия эту сцену.— Акт второй.

На иебольшой скорости подбирался желтый «Жигуль». Автомобиль как автомобиль, ио наблюдателям он казался хищиым тигром, готовым сейчас иаброситься на беззащитиую жертву...

У стояики мотоциклов воднтель тормозиул. Это был высокий иемолодой человек спортивиого вида. Он бережно закрыл дверцу и огляделся. Постоял, попииал иехотя ближиее к иему колесо.

Потом шеф, а это, без сомиеиий, был он, иаправился к дому, где в проеме двери его встречал довольиый Лысый, вытяиув вперед руку с победио отогиутым большим пальцем.

К удивлеиию иаблюдателей, Лысый преобразился иа глазах, откуда только взялись хорошне манеры —

пропустил прибывшего вперед, сделал полупоклон, ничем не напомнная развязного, приблатненного сорвиголову.

Второй акт развнвался без посторонних глаз.

Шеф, восседая на обрубке бревна, как царь на троне, принимал парад войск камнегорского филиала. Лысый почтительно докладывал, где и сколько найдено зелени. Не требовалось быть знатоком, чтобы догадаться: речь идет о самоцветах.

В заключение доклада Дылда запустил длинную руку в провал пола и, скривнвшись, вытянул на свет старую брезентовую рукавицу. Лысый перехватил ее и высыпал перед шефом на промасленную тряпицу недельную добычу.

Шеф с ходу острым оком произвел отбор. Самый крупный кристалл откинул в сторонку.

— Брак, одна слюдка. За идиота меня держишь?!

Лысый устыдился.

— Прошу прощения, шеф, недоразумение.

Глава фирмы пересчитал самоцветы и по одному опустил в кожаный кошель, подобный тем, какие носили средневековые купцы. Крепко стянул его горлышко черным шелковым шнурком.

Добытчики приготовились получить законный, по их мнению, расчет, но шеф не спешил, глядел на них хмуро, спросил недовольно:

— Здесь все?

— Все, что попалось...

— А не темнишь?

Лысый заволновался:

— Себе дороже, шеф, кто же у нас товар возьмет?..

Шеф поморщился, неласково предупредил:

— Смотри, сынок, смотри...

Оглядел всех, задержал взгляд на новеньком, так же неторопливо вытащил и бросил Лысому несколько ассигнаций.

— Можешь не считать... На стольник меньше.

Физиономия предводителя вытянулась, он что-то порывался сказать, но тут встрял поскучневший Хорек:

— За что, шеф?

Шеф буднично, как на производственном совещании, произнес:

— Хозрасчет, что означает хозяйственный расчет, предполагает каждой сестре по серьге, но по заработанной честным трудом. А ты,— это Хорьку,— помолчал бы, сынок. Как это тебя не замели за наезд на ребенка?

— Так я... это... попугать,— оправдывался Хорек.

— И вообще, много себе позволяете, хулиганите, внимание привлекаете. Наша работа интеллигентная по своей сути, а вы так и норовите за решетку. Потому и штрафую, что жалко вас. Еще раз услышу, наш контракт будет разорван, живите на одну стипендию.

Не ожидавшие накачки, мотоциклисты понурились.

А в это время на пункте наблюдения произошло ЧП. Исчез Димыч. Даша растерянно озиралась вокруг и вдруг застыла от неожиданности. Саня тоже увидел Димыча, тот взбирался на чердак дома, где проходила тайная встреча, используя выступающие из угла бревна.

— Куда он?— едва не плакала Даша от досады.— Все испортит! Ох и попадет от майора!

Саня схватил ее за руку:

— Что же они опаздывают?!

(3) Выселки. Август 1988 года

Они не опаздывалн. Борнс Ивановнч и двое его спутников в штатском появилнсь у Выселок раннмм утром, когда туман еще не сел, и внделн, как окапывались в малниинке иарушнтели конвенции, как прибылн мотоцнклнсты.

В основном обстоятельства не мешалн замыслу, и Шевченко не стал прогонять ребят, надеясь на нх благоразумне. Но выглядевшнй тихоией Днмыч вынуднл его поволноваться. Неосторожное двнженне, н мальчншка загремнт с чердака на все Выселки, лншнв оператнвннков главиого преимущества — внезапностн.

Просчитав ситуацию, майор пришел к выводу, что передача нзумрудов завершеиа, н дал команду свонм людям.

В нзбе между тем продолжалась мнролюбнвая беседа. Подкидывая на ладонн увеснстый кошель, шеф винмательно нзучал Мнтрня.

— А тебя, сынок младшенький, хвалю. Ты слово сдержал, а я свое слово еще скажу. И пусть тебя не мучает совесть. Ну, показывай...

Мнтрнй без звука достал ветхую запнску и протянул шефу. Тот мнгом глотнул текст н, ничем не выдав своего нзумлення, как можио равнодушней сказал:

— Туфта!

Митрнй не верил свонм ушам, но шеф ласково обратнлся к нему:

— Стольник устронт?

— Сколько?— осиплым от неожнданной удачн голосом переспросил Митрий.

— Ты что, сыиок?— удивнлся шеф.— Стольннк — это, по-вашему, десять чнриков.

9 Зак. 126

— Десять чирнков...— завороженно протяиул отличиик учебы и активист школьиой стенгазеты.

— Поладили. А записку верни, я в эти сказки давно не верю. Тебя же поощряю за хватку. Понял, как надо делать деньги? Если понял, у тебя тоже будет «Ява». Хочешь?

Витковскнй не закончил свой монолог. Дверь жалобио скрипнула...

За Шевченко в избу шагнули оперативники.

Подростки заметались по избе, Хорек кинулся к оконному проему, но его охладил голос шефа:

— Ты что, милиции не видел?

Сам он внешне не изменился и, пользуясь тем, что сидел к вошедшим спиной, избавился от улики — кошель с изумрудами провалился в дыру в прогнившей половице.

Наступила звучиая тишина. Слышалось только хныканье Митрия, он испуганно размазывал обильные слезы кулаком, из которого торчала сотенная купюра.

— Здравствуйте, Витковский!— голос Шевченко ровен.

Шеф даже не шелохнулся.

— Вы, как всегда, не вовремя, Борис Иванович,— наконец отозвался он.— Пришли и вот... У меня, знаете ли, ностальгия развивается. Возраст, что ли? Так и тянет на родину. Свердловск — это большой муравейник, там душе тесно.

Шевченко поддакнул:

— И у меня такое же мнение. Порой мысль посещает: самое лучшее место в мире то, где родился. Так о чем же с детишками беседовали, Виктор Сергеевич, если не секрет?

— Как сказать... О разном. Видите, крюк в матице? Представьте себе, на нем моя колыбель висела. Интересно?

— Очень ннтересно,— сказал Шевченко и крикнул в потолок:— Эй, сыщик, спускайся!

И тотчас в щелн потолка посыпалась земля, послышались легкне шагн. Внтковского передернуло.

Когда поднимали половицы, чтобы достать кошель шефа, послышался всхлип.

Говоря языком милицейского протокола, узнать, кто всхлипнул в мнпуту изъятия изумрудов, не представляется возможным.

(4) Выселки. Август 1988 года

Внтковского увозили в город на его же машнне.

Прнчем впередн, словно конвой, пылилн «Явы», оседланные «сынками», но нх маршрут был строго определен — УВД.

Младшего «сынка» отпустнли под честное слово, ну не арестовывать же его в самом деле, и теперь он чесал по лесу, не разбирая дороги.

— Эх, Митрнй!— снова пожалел Днмыч. И на этот раз Санька н Даша его ие одернули.

— Ладно, чего уж там,— выступнла в роли третейского судьи Даша,— ие посадят.

Саня не поддержал:

— Достанется ему, будет помнить всю жизнь. Ну что, сыщнки, по коням?

— Подожди, Сань,— голос Димыча непривычно дрогнул.— Хочу вам кое-что показать. Давайте за мной.

Ничего не объясняя, Димыч стал карабкаться на чердак, ловко цепляясь за еще крепкне бревна.

Тес, которым был некогда покрыт дом, изрядно пострадал от времени и непогоды. Кое-где обнажились тем-

ные ребра стропил, несмотря на то что хозяева когда-то пытались латать зияющие дыры обрезками досок и картона.

— В чем дело?— строго спросила Даша, не обнаружив ничего такого, что бы привлекло ее внимание.

— Да вот, взгляните,— Димыч ткнул пальцем в квадратную фанерку, прибитую к кровле.

— Саня!— позвала Даша.— Тут какие-то иероглифы....

— Да не иероглифы,— возмутился Димыч,— эта картонка служила крышкой для посылки. Вот и адрес получателя: г. Камнегорск, пос. Рассохи, Вит...

— ...ковским,— обрадованно закончил Саня.— Но тогда мы находимся...

— ...в поселке Рассохи!— подхватила Даша.

ВИТКОВСКИЙ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

(1) Камнегорск. Август 1988 года

Виктор Сергеевич Витковский не выкручивался, не юлил. Он отдавал себе отчет, что на сей раз испугом не обойдется и теперь вдали от дома у него хватит времени обдумать, как из простого любителя камия алчность превратила его в преступника. И все-таки Витковский был спокоен. У него оставался на руках иадежный козырь, подареиный жадным до деиег сопляком.

Третий день встречается Шевченко с бывшим шефом

и его «иеграми». Дмитриев, как это ребята его иазывают — Хитрый Митрий?.. Он еще ие зашел далеко, ему достаточно будет увещеваиий и хорошего отцовского ремня, да и друзья, наверное, помогут, поговорят по-своему. На остальных подростков слова уже ие подействуют. Они развращеиы безиаказаииостью и легкими деньгами, с ними надо что-то решать. А вот Витковский...

Борис Иваиович пытается понять Витковского Виктора Сергеевича, 1939 года рождения, русского, уроженца Камиегорска, ныие жителя областного центра.

Воспитанный в рабочей семье, Виктор Витковский подавал надежды как ведущий инженер КБ. Зиание ряда иностранных языков обеспечивало ему доступ к зарубежным первоисточиикам. Его возносили как перспективного специалиста, а он вдруг забросил диссертацию и, можио сказать, выбыл из мира науки.

— Объясиимся, Виктор Сергеевич?

Витковский иедоуменно поднял плечи.

— На исповедь приглашаете? Так иичего нового я вам, пожалуй, ие скажу. Видите, грешен.

— Мальчишек жаль. Вы им жизнь поломали, теперь они другим ее ломать стаиут. Еще одиого мимоходом согиули, выпрямится ли? По своему подобию воспитываете?

Виктор Сергеевич возразил:

— В этом отиошении вы заблуждаетесь. Не я сформировал их, оии были готовы к такому образу жизни. Да и в злодеи ие гожусь. Дал однажды слабинку, вот и сижу перед вами.

— Слабиика — это коллекционироваиие драгоцеииых камией?

Задержанный вздохнул.

— Вы же местный, должны знать, что рождениому в Камнегорске трудио противостоять фарту. Его впитываешь с молоком матери. Золото, изумруды, аквамари-

ны, александриты... Куда ни ступи — сокровища; да те же старые отвалы, где мы промышляли... Их надо через сито просеивать или под охраной содержать. Так вот...— Витковский помолчал, собираясь с духом.— Считайте, что я жертва той лихорадки, которой заболевают в местах, подобных Клондайку и Камнегорску. Здесь даже воздух пропитан легендами о старинных кладах. Не доводилось вам, Борис Иванович, слышать про изумруды, зарытые на Большом Створе еще французами?

— «Анонимная компания»?

— Она самая. Я ведь пацаном по тайге помотался, отыскивая эти богатства...

— Поэтому привлекла записка ротмистра Вологжанина?

— А вы считаете ее мистификацией?

— Отнюдь. Между прочим, точно установлено, что записка из того времени. Почерк идентичен, мы сверяли с сохранившимися документами, среди них есть и принадлежащие перу управляющего Вологжанина. Впрочем, что из того? Большого значения это уже не имеет.

— Почему не имеет?— насторожился Виктор Сергеевич.

— Так ведь, судя по автографу ротмистра, саквояж зарыт где-то на Рассохах, а там, как вам известно, вода колышется.

Впервые за время беседы Витковский поднял глаза на Шевченко. Смотрел прямо, не мигая, как бы оценивал майора. Затем облегченно выдохнул:

— Позвольте не согласиться с вами. Как говорится, возможны варианты, вот и ротмистр об этом извещает господина Розерта.

— Вы о чем, Виктор Сергеевич?— не понял Шевченко.

— О Рассохах,— уточнил Витковский.— А что вы

скажете, если я вам преподнесу клад Вологжанина на блюдечке с голубой каемочкой?

Начальник ОБХСС изумленно поднял брови.

— Вы что, серьезно?!

Минуту-другую Витковский молчал и, словно падая с обрыва в холодную воду, решился.

— Вологжанин упоминает Рассохи. Так? А теперь откройте мой паспорт и взгляните на графу «место рождения»...

Шевченко взял в руки документ Виктора Сергеевича и... подпрыгнул на стуле.

(2) Макарово озеро. Август 1988 года

Надо ли говорить о том, что нашим героям, в том числе и отважному Димычу, крепко досталось от майора Шевченко.

Но жизнь продолжалась. И в один, как водится, прекрасный день участники безуспешного розыска вологжанинского саквояжа собрались на Макаровом озере. Все, кроме Митрия, о котором старались не вспоминать, не было и Соловьева; получив из Москвы неутешительный ответ на свое письмо, он сильно огорчился и даже прихворнул от этого.

Предлагая министерству энергетики на время демонтировать плотину, Павел Васильевич не учел того обстоятельства, что ГРЭС производит за сутки электричества на миллион рублей.

— Подвел я Соловьева под монастырь,— грустно заметил Макар Андреевич.— Да и ваши каникулы плакали. Ругайте меня, старого, вовлек вас в авантюру.

Где-то неподалеку северный ветер гнал волны по во-

дохранилищу, кричали чайки, застыли иа якорях рыбацкие лодки. Красота иемыслимая...

Дашу так и подмывало утешить старика. Никакого отиошеиия к тайие ротмистра Вологжаиииа водохранилище не имело, иапрасно он расстраивается. Но клятва, которую дали все трое иа чердаке, удержала от этого шага. Надо прежде убедиться в том, что Вологжаиии захороиил сокровища в старательском поселке. За эти три дия, правда, ие удалось иайти иикаких следов.

— Вот и все,— вздохиул Макар Аидреевич.— Остается уповать иа будущее. Может, когда-ибудь и иайдется саквояж, кто зиает...

Ребята отвели глаза.

— Я зиаю!— иа берег озера вышел Борис Иваиович Шевченко. Ои был в полиой форме, иа погоиах серебром сверкали майорские звезды.

— Словом, так, друзья, приглашаю вас в поселок...

— ...Рассохи,— вклииилась иеожидаиио для себя Даша, иарушив недавиюю клятву.

Майор был ошарашеи этим заявлеиием ие меиьше, чем призиаиием Витковского:

— Как? Вы и это зиаете?!

Саня хмыкнул: «Ваша школа». Димыч только улыбиулся, ои красиоречнем блистать ие стал. А дед Макар, до которого ие сразу дошел смысл сказаииого, за голову схватился: «Надо же так опростоволоситься! Ну совсем из ума выжил. Мие ли иа память жаловаться, а вот поди ж ты... Позор-то какой! Да, пора иа покой, пора...»

ТАЙНА БЕЛОГО ВАЛУНА

(1) Рассохи. Январь 1945 года

Шевченко при задержании Витковского не придал значения его словам о колыбели, восприняв их как отвлекающий маневр.

Нет, Виктор Сергеевич Витковский говорил истинную правду. В этом маленьком таежном поселке он впервые увидел разноцветный мир за окнами: голубое небо, изумрудные травы и запавшую в детское сознание громаду темного леса, окружавшего Выселки со всех сторон.

И еще одно давнее, почти призрачное видение — среди серых и белых гранитных валунов, как могучий страж, вздымалась причудливая сосна с раздваивавшимся стволом. На ней ежедневно плотничал дятел и, пробуя летательный аппарат, веселились белки.

Его родители поселились здесь в конце двадцатых годов, когда строился кирпичный завод. Жилья не хватало, и тогда вспомнили о забытом старательском поселении, заброшенном еще в годы первой мировой войны. За ним закрепилось название Выселки. И письма по такому адресу получали немногочисленные обитатели населенного пункта, не обозначенного ни на одной географической карте. Только когда началась всеобщая паспортизация, Витковские узнали, что живут они в поселке Рассохи. Это исполкомовские делопроизводители восстановили и закрепили печатью название по сохранившимся архивам царского времени.

Так они и сосуществовали, никому не мешая и мирно уживаясь в быту, два названия — официальное и народное.

А после войны завод обзавелся жильем в городе, и поселочек окончательно захирел.

Витковские были одними из немногих, для кого поселок Рассохи не растворился в прошлом.

Лютой зимой сорок пятого года отец вернулся с фронта на одной ноге. Узнав, что жена и дети в такие холода подбирают на дальней просеке закоченевшие жердины, он зло и остервенело, в одиночку, спилил облюбованную белками сосну с двумя стволами.

Шестилетний мальчик, прижавшись к горячей печи, никак не мог отогреть пальцы, замерзшие, как ледышки. Его бил озноб, а к вечеру поднялась высокая температура. В жару, охватившем его с ног до головы, мальчик оказывался под падающим деревом. Он бежал и не успевал — дерево сминало его в лепешку.

Мальчик выздоровел, но этот сон еще долго преследовал его.

(2) Рассохи. Август 1988 года

Милицейский автобус, вместивший всю экспедицию, бежал в направлении Выселок, впрочем, теперь уже Рассох.

Его пассажиры шумно предвосхищали минуту, когда их взорам предстанет набитый самоцветами саквояж ротмистра Вологжанина, пролежавший в земле семь десятилетий. Иные чувства владели стариком Воронковым. Отрешенно вглядываясь в оконное стекло, он думал о том, что жизнь завершается, худо ли, хорошо ли, но прожита. А сколько там осталось?

У бывшего дома Витковских стоял «уазик» с синей мигалкой. Милиционеры кучковались вокруг задымлен-

иого валуна, средн ннх штатской одеждой выделялся Внктор Сергеевич Витковскнй. Он деловито ходнл между камиями, отступал к избе, возвращался, оглядывался.

Мнлиционеры не мешали его священнодействиям. В нх жнзии это был первый правонарушнтель, добровольио согласившийся выдать иемалые цениостн.

— Товарищ майор!— кннулся один нз иих к Шевчеико.— Еще ие сориентировался...

— Вижу,— ответил майор.— Я поиятых прнвез. Как полагаешь, пригодятся?

— Пригодятся, товарищ майор,— почему-то обрадовался милициоиер, словио присутствие понятых обеспечивало иесомиеиный успех операцин.

«Понятые» разошлись по площадке, посредн которой высился огромиый камень. Витковского смущало отсутствие пия, который, ои точио помиил, вплотиую прижимался к валуну.

— Дело иехитрое,— объясиил Макар Андреевич.— Никто его ие корчевал, охотиики выжглн. Я тоже, бывало, грелся таким манером, смолье горит отлично. А потом земли иадуло, травка зашевелнлась. Копать надо.

Из машниы прииеслн лопаты, и дюжне милицнонеры с жаром прииялись за работу.

...Припекло солнышко.

Вымотались милициоиеры.

Уже и Шевчеико напластался всласть, а он дядька могучий, и Витковский до майки разделся, н Саия с Димычем свою лепту внеслн, а клад не давал о себе знать.

Нервно бегал по кругу Витковский. Ои потерял доверие милициоиеров и страдал от этого больше, чем в тот момеит, когда пришлось расставаться с туго набнтым кошелем.

Лопатой орудовал Макар Аидреевнч Воронков, копал неторопливо, экоиомио расходуя силы. Вены набух-

ли иа сморщенной шее, липли к потному лбу поредевшие волосы. По застарелой привычке Макар Андреевич поплевывал иа ладоии и сиова углублял яму. На утоптаииой траве сидела Даша, обхватив руками колеии, и бездумио жевала былинку. Из оцепенеиия ее вывел легкий скрежет, будто металл врезался в гравий. Оиа вскочила, и ее движеиие сорвало людей с места. Все столпились возле ямы, из которой торчала спииа Вороикова.

Макар Андреевич попросил совковую лопату и стал черпать ею «гравий». Это были самые разиообразные зелеиые кристаллы: то коротышки с ноготь, то крепыши с палец — отборные самоцветы.

— Ну вот,— глухо оброиил дед Макар,— приехали!

(3) Рассохи. Август 1988 года

Земля иадежией швейцарского банка хранила добычу Воскресеиского прииска. Да и что зиачат какието семьдесят лет, когда время делится иа геологические эры?

Изумрудам иичто ие могло повредить, они ие портятся, ие тлеют, как недолговечиые изделия рук человеческих. Вот и саквояж, их слабая оболочка, превратился в прах, а камни...

Неуютно было иа душе у Саии.

Страиио чувствовал себя и Димыч. Вроде бы иадо радоваться, что сокровища иайдеиы, а радости иет. Ну нет, и все.

Даша, ожидавшая, что изумруды должиы выглядеть как иа витрине ювелириого магазииа, ие сдержала восклицания:

— Какие замызганиые!

Никто не отозвался. И только Витковскнй восприиял эти слова как лнчиый упрек.

— Это сырье,— снисходительно к возрасту Даши сказал ои.— В руках мастера им цены ие будет.

Витковский помолчал н меланхолнчно добавил:

Был королем я только в сновиденье.
Меня лншнло трона пробужденье.

Даша подияла иа него вопросительиый взгляд. И он послушио ответил:

— Шекспир. Коицовка восемьдесят седьмого соиета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Чечулин А. И.

Ч-57 Самоцветы для Парижа: Повесть.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989.— 144 с.: ил.

ISBN 5—7529—0185—5

25 к. 100 000 экз.

Весной 1918 года на одном из старых уральских приисков началась эта странная, полная случайных совпадений история. Поисками изумрудного клада, пролежавшего в земле семь десятилетий, заняты герои повести — современные школьники.

Для среднего школьного возраста.

Ч $\frac{4803010201-062}{М 158(03)-89}$ 56-89 ББК 84Р7

Чечулин Алексей Иванович

САМОЦВЕТЫ ДЛЯ ПАРИЖА

Редактор Е. В. Черняк
Художник Н. Н. Моос
Художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Н. Н. Заузолкова
Корректоры М. Ф. Худякова, Т. В. Сергеенко

ИБ № 1798.

Сдано в набор 27.02.89. Подписано в печать 13.06.89. НС 12111. Формат 70×108[1]/32. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 6,5. Уч.-изд. л. 5,9. Тираж 100 000. Заказ 126. Цена 25 к.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

25 к.

СВЕРДЛОВСК
Средне-Уральское
книжное
издательство
1989